

МИХАИЛ СТАЛЬНУХИН
Байки из склепа

Полковник Карымов не любил бывать на командном пункте бригады. "Имеет право!" - сказал бы на это Вертер, поинтересуйся хоть кто-нибудь его мнением. "Обязан!" - со скрытой издевкой непременно поддакнул бы Петька Огородников. А ведь началась эта неприязнь с совершенно пустякового происшествия...

Назначенный пару месяцев назад на должность начальника штаба, в первое своё появление на КП полковник пребывал в более чем радужном состоянии духа, что в применении к Карымову означало, что на данный момент он не горит отчаянным желанием расстрелять кого-нибудь из своего личного пистолета Макарова. К сожалению, этого прекрасного настроения хватило ненадолго.

Карымов, как та мифическая амазонка, без промедления дал бы отрезать себе правую грудь - будь она у него достойных упоминания размеров и соответствующей формы - в интересах повышения обороноспособности страны. Аналогичного самоотречения он требовал и от своих подчиненных, что далеко не всегда находило у них понимание.

Командный пункт размещался в лесу и именно оторванностью от цивилизации объяснялась некоторая царившая там простота нравов. Садятся, например, офицеры за обеденный стол и даже начштаба вроде как-бы улыбается в предвкушении... И в этот момент по громкой связи проходит вызов с КПП.

- Чего тебе? - спрашивает Карымов дневального, склонившись к переговорному устройству. В ожидании ответа кое-кто из офицеров заметно напрягается. Они-то знают, что сегодня в наряде рядовой Панюська, речевой аппарат которого управляется чем угодно, но только не головным мозгом.

- Так машина приехавши! - докладывает воин, простодушно опуская столь незначительные подробности, как номер и марка автомобиля, цель приезда, звание и имя старшего.

- Колеса у машины есть? - голос Карымова буквально сочится сарказмом. Последовавшая за вопросом пауза длится секунд тридцать и офицеры успевают за это время приступить к обеду.

- Есть!!! Есть колеса! - гремит затем из динамика запыхавшийся голос. И, в восторге от того, что оказался удостоен беседы с полковником, Панюська доверительно-трагическим шепотом, по вагнеровски гремящим на весь оперзал, заканчивает:

- Это, товарищ полковник, говновозка! Наше говно себе откачивать будут, дармоеды!

Какая-то запредельная обреченность постоянно присутствует в армейских байках, за нелепым зубоскальством скрывающих беспросветный нигилизм. А чтоб красивое и светлое показать народу - так не дожدهшься.

Ведь чего, казалось бы, проще? Чтоб уже на первых страницах суровый с виду командир, мягко пожурив новобранца, ночью, терзаемый угрызениями совести, на цыпочках прокрадывался в казарму, батистовым платочком промакая слипшиеся от слез ресницы, и целовал обиженного солдата в темечко. Чтоб сержант на привале, развесив видавшие виды, склизкие уже местами портянки на ближайших кустах, читал бойцам в подлиннике Овидия. И от прапорщика разило не просто перегаром чтоб, а наилучшим французским парфюмом отдавала отрыжка, сопровождающая его изысканную речь. Чтоб

мускулолобый замполит вышивал крестиком рушнички для солдатской столовой и танцевал прощальный вальс с дембелями...

Но нет уже прежней романтики в армейской прозе - сплошной натурализм и низменная физиология! И, правя брусочком лезвие дедовой пашки, невольно задаться вопросом: а, собственно, с кем вы, мастера культуры?

Вышеупомянутый командный пункт представлял из себя огромный бетонный дот со стенами полуметровой толщины, на несколько этажей врытый в землю и замаскированный сверху дерном. Среди солдат, иногда именовавших сие строение склепом, ходили упорные слухи, что эту громаду в свое время возвел ни кто иной, как легендарный генерал Карбышев.

Высокие гости попадали в бункер через парадный вход. Он был оборудован невероятной толщины железной дверью, задраить которую, насколько помнил Вернер, за два года его службы не удалось никому - даже на пари.

Перед входом раскинулся плац, на одной стороне переходящий в густой орешник, а по другой - в спускающуюся к торфяному болоту заросшую можжевельником поляну. Там же находился шурф.

Так на КП называли канаву, вырубленную в плитняке и тянущуюся метров на триста в направлении торфяника. Никто точно не знал ее предназначения, поэтому версии на этот счет ходили самые разные. Благодаря солидным размерам шурфа - метров восемь в ширину и местами до десяти метров в глубину, наибольшей популярностью пользовалось предположение, что это ни что иное, как подъездной путь к ведущему в бункер подземному тоннелю, тем же Карбышевым построенному, но за минувшие годы засыпанному.

То, что подземный ход действительно существует вроде бы подтвердилось, когда одна из нескольких праздно любопытства ради выкрашенных масляной краской в голубой цвет и выпущенных в казарме крыс через несколько минут была замечена на дне шурфа.

Этой мерзости, кстати, хватало там и без нее, поскольку десятилетиями шурф использовался, как естественная помойка, куда без проблем можно слить и отработанное машинное масло, и отходы солдатской столовой. Именно поэтому, вычитав где-то, что из крысы можно без труда воспитать крысоеда, если поселить ее в замкнутом пространстве и кормить только ее же товарками, радисты, жившие в подвальном этаже бункера и страдавшие от серых больше остальных, отправились их отлавливать именно к шурфу.

Так вот, крысиное сафари было в полном разгаре, когда полковник Карымов, худой и сутулый мужичонка в последнем приступе молодости, вылез из запыленного "газика" и бережно отряхнул китель, одетый в первый раз, по поводу знакомства с личным составом вверенной ему бригады. Он тут же заметил у шурфа скопление солдат, обряженных в костюмы химзащиты. Заинтересовавшись происходящим, полковник решительно зашагал в их сторону.

Есть довольно распространенный тип людей, которые своей полноценностью могут наслаждаться лишь среди лиц одного с ними пола. Для мужчин - и Карымова в их числе, в этом смысле идеальной средой является, конечно же, армия.

Ни о каких извращениях, упаси Бог, речь не идет. Когда-то, еще в

бытность курсантом, юный Карымов обожал раздевать соглашавшихся на это барышень - причем медленно, поскольку процесс интересовал его никак не меньше, чем результат. Возмужав, он стал больше ценить дам, которые скидывают одежду быстро и сами. Но в последнее время начал за собой замечать, что даже на пляже попытку женщины раздеться в его присутствии воспринимает, как прямую угрозу своему физическому и душевному здоровью. Немногочисленные приятели утешали Карымова, утверждая, что вскоре эта проблема вовсе перестанет его волновать.

Солдаты почтительно расступились перед незнакомым полковником и он увидел тридцатилитровый бидон, из которого доносились визг, писк и беспорядочное барахтанье десятков паникующих крыс.

- Над фауной издеваемся? - мягко поинтересовался Карымов, имитируя чувство юмора и добродушие, отсутствовавшие у него, как выяснилось позже, напрочь. Затем он бодро скомандовал:

- Отставить!

В армии всегда так. Стоит солдатику найти себе невинное развлечение для отдохновения от ратных трудов, как кто-нибудь уже торопится наступить песне на горло.

Главная солдатская заповедь гласит: держись поближе к кухне и подальше от начальства. Именно поэтому разочарованные радисты, стаскивая на ходу резиновые комбинезоны, надетые по соображениям гигиенического характера, начали потихоньку расходиться. Посудина же, набитая, мягко говоря, возбужденными крысами, осталась на небольшой очищенной от можжевельника площадке возле шурфа.

Рядом с ней, оглядывая себя внутренним взором, который у большинства старших офицеров непостижимым образом расположен вне тела и позволяет постоянно видеть и слышать себя как бы со стороны, стоял донельзя довольный своим умением мгновенно принимать волевые решения начштаба.

Однако, судя по дальнейшим событиям, вместе с радистами покинул полковника и его ангел-хранитель. Оказавшись в одиночестве, Карымов, довершая миссию спасения, мягко опрокинул бидон - и тут же понял, что поступил по меньшей мере опрометчиво. Воистину - нет такого доброго дела, за которое его творцу не воздалось бы злом.

Вырвавшиеся на свободу здоровенные зверюги - мелких радисты сразу отбраковывали саперными лопатками - рванули к себе домой кратчайшим путем, на котором оказался их благодетель. Уже в следующее мгновение, облепленный обезумевшими крысами до пояса, пританцовывая и нелепо размахивая руками, Карымов непроизвольно сделал два шага назад и исчез из поля зрения пораженных этим зрелищем солдат. Глухой шлепок, донесшийся из шурфа, подтвердил, что это им не снится.

Сорвавшийся с левой ноги полковника, до эфиопского блеска начищенный ботинок подлетел на несколько метров, блеснул в точке своего апогея застывшей на морозе соплей - и нырнул, разделяя печальную участь хозяина, в зловонную яму.

Оптимизм русской литературы - явление весьма спорное. Светлый облик деда Мазая в заячем полушубке на голое тело стремительно тускнеет на фоне срывающей график железнодорожных перевозок Анны Карениной.

Национальный герой, Иванушка-дурачок, из сказки в сказку с маниакальным постоянством женится, кретин, на царевне, обрекая себя на

пожизненный мезальянс ради сомнительной привилегии править своим народом, который только и думает, как бы вставить начальству перо в анус.

Простой, ничем кроме немоты не примечательный дворник становится основоположником идеологии, основной постулат которой формулируется легко и просто: кого люблю - того топлю. Какой уж тут оптимизм...

"Ох, бяда-бяда..."- приговаривал Петька Огородников, вытаскивая еще одного литературного героя, полковника Карымова, из жуткого вида помоев.

Карымов, упав с шестиметровой высоты на спину, почти не пострадал - несколько царапин, синяков и укусов не в счет, но до вечера, сколько его не отмывали, благоухал с нездешней силой. Вылезая из шурфа, он слабодушно сожалел, что не разбился насмерть. Однако уже со следующего дня начштаба заставил скорбеть о своей несостоявшейся кончине весь личный состав командного пункта.

Так оно обычно в жизни и бывает: лицом в грязь человек падает чаще всего по собственной инициативе, но мстит за это кому угодно - кроме себя, любимого.

2

Порой весьма сложно выстоять под ударами судьбы, в особенности же тогда, когда ее орудием слепой случай выбирает таких, по мнению замполита, бессердечных мерзавцев, как сержант Вертер и рядовой Огородников.

Хотя сами они этого мнения о себе, о чем нетрудно догадаться, не разделяли. Более того, они предполагали, что замполиту, капитану Долгоносику, просто застит глаза его принадлежность к касте брахманов самого передового мировоззрения. С бонзами это приключается сплошь и рядом. Иначе просто нечем объяснить его, замполита, странное чувство юмора и страсть выискивать провокации в любых, даже самых безобидных ситуациях, просто неизбежных при скоплении пятидесяти неоскопленных жизнерадостных балбесов в замкнутом пространстве казармы.

Впрочем, это характерная черта комиссаров всех рангов во все времена. Можно даже сказать, что замполит не был ничем особо примечателен - политрук как политрук. Единственное, чем он прославился, так это регулярной организацией общественно-бесполезного труда, избежать которого мало кому удавалось.

Вот, например, на исходе давешней осени, когда командир поехал встречать прибывшее из штаба округа с проверкой высокое начальство, он поручил Долгоносику обеспечить чистоту на ведущей к воинской части аллее.

В результате Вертер с Огородниковым, которых замполит недолюбливал, не без оснований подозревая, что именно они украли и пропили его парадные сапоги во время последней поездки на полигон, и чьи интеллектуальные возможности по этой причине использовал при малейшей на то возможности, еще до завтрака раз восемь, шаркая метлами, прошлись по отведенному им участку. Свежий воздух, приятная беседа - что еще нужно человеку для счастья?

Друзья коротали время за немудреными подсчетами. А прикинув, сколько гектаров полов надраено ими за время службы и сколько тонн картошки начищено, сколько посуды перемыто и гимнастерок постирано, невольно пришли к неутешительному выводу: не мужское это дело - Родину защищать.

Прогулявшись по аллее из конца в конец, новоявленные дворники

оборачивались и каждый раз с удовлетворением видели ее вновь усыпанной золотыми и оранжевыми листьями.

Однако замполита это не устраивало. Да и не так он был воспитан, чтобы безропотно ждать милостей у природы. И тогда Долгоносика осенило...

Чуть позже случайный грибник, заплутавший в запретной зоне, битый час, разинув рот, наблюдал за Огородниковым и Вертером, не в силах штатским своим умишком понять - зачем вооруженные длинными шестами солдатики сбивают листья с кленов, которые и без того через неделю будут стоять голые?

Но тут, видимо сердцем почуяв беду, заехал в часть командир. Настоящий офицер никогда не критикует коллегу при подчиненных. Поэтому, загнав замполита на вышку наблюдательного пункта, он просто продемонстрировал ему, как выглядит полоса "облагороженного" леса на фоне окружающего ее буйства красок.

Минут пять спустя вышеупомянутый грибник почувствовал, что теряет остатки разума. И немудрено: не каждому выпадает в жизни удача застать гвардии капитана со свитой в полдюжины солдат за сбором букетиков из кленовых листьев, которые они затем суровыми нитками привязывают к начисто ими же ободраным ветвям деревьев.

Впрочем, замполита, малопьющего умника, недолюбливали не только солдаты.

- Ну, чистый Рейган,- как-то при Вертере пожаловался на него младший лейтенант Ежов:

- В натуре: я к нему, как к старшему товарищу... Докладываю, что так, мол, и так - абсолютно организм Карымова не держит. Как с ним дежурить - полный распердеж. В том смысле, что хронический срач начинается. Бегаю и рыдаю. Зад красный, как у больной макаки - до крови стер. Сидеть теоретически могу, но практически только на подушке. И никакой чуткости в ответ. Какие-то бамперсы придумал... На дежурство, говорит, поддевай - и порядок. Троцкий занюханный! Откуда я знаю, положено их носить младшим офицерам или нет? И что это, вообще, такое - бамперс?

Что и говорить, с самого начала не заладились у Ежова отношения с новым начальством. По совершенно, при этом, пустяковой причине.

Единственной слабостью Карымова было убеждение, что он милостью Божьей художник. Вот и привез начштаба как-то на командный пункт несколько своих полотен на армейскую тематику, на которых разных званий военнослужащие несли боевое дежурство, целовали знамя части или иным каким-либо способом демонстрировали свой патриотизм. А самобытность живописца, его почерк определялся тем, что все намалеванные им персонажи выглядели как не первой свежести трупы, кем-то зомбированные и приспособленные к ратной службе.

Ежов долго сопел у расставленных на стулья картин, слушая, как старшие по званию один за другим выражают свой восторг, сравнивая полковника то с Шишкиным, то с Айвазовским. Наконец, решив показать свою эрудицию, лейтенант, дождавшись паузы, выгнув грудь колесом, резким движением выбросил вперед правую руку с оттопыренным большим пальцем и воскликнул:

- Малевич!

Карымов, смутно понимавший разницу между малыми голландцами и передвижниками, кубизмом и супрематизмом, услышал в этом возгласе нечто

для себя унижительное и грозно пробурчал:

- Чего?

- В смысле - Казимир... Художник то есть... - стушевался Ежов и удалился легкой девичьей походкой, понимая, что сказал что-то не то, но еще не представляя себе последствий.

Злопамятный же начштаба с тех пор, раз в неделю прибывая на суточное дежурство, рано или поздно - если видел Ежова на построении, требовал к себе "этого коротышку, которому маслята по колено" и устраивал ему козью морду, всякий раз находя для этого новую причину.

Однако прапорщик Бараускас пострадал за дело. Правда, вина его заключалась главным образом в том, что родился он не там, где следовало бы, и не в ту эпоху. Сложись чуть иначе обстоятельства его появления на свет - стал бы он персонажем мифологии, славным в веках своей эпических масштабов жадностью.

Утаскивал Бараускас в свою норку, скособоченный цвета хаки домик на окраине офицерского городка, все, что могло быть туда переправлено без помощи крана или, скажем, транспортного вертолета.

И Вертер, и его ляпший сябр Петруха Огородников, немало повидавшие чудачков за время службы, одной из лучших легенд, изустно передаваемых от одного поколения срочников к другому считали предание о командированном на похороны прапорщике. "Где они тут копать собираются?" - недоумевал он, впервые в жизни бродя по колумбарии. Спер оттуда Бараускас тогда не то две, не то три урны, украсившие затем его сервант. Пестрые бумажные розочки, позаимствованные там же, возможно, привели бы в негодование какого-нибудь эстета, но холостого к тому времени прапора вполне устраивали.

Абсолютно здоровый, порой все же впадал он в депрессию. Случалось это нечасто, поскольку предметы, которым в любой момент можно было приделать ноги, но неприменимые в быту, попадались ему редко.

Вся казарма, затаив дыхание, наблюдала, как прапорщик сомнамбулически бродит вокруг поступившей в часть остродефицитной оболочки для кабеля, уже зная, как стащить, но не в силах придумать, как же ее затем использовать.

Гораздо позже Вертер понял, что Бараускас был первым встреченным им идейным, хоть и подсознательно, пацифистом. Враг милитаризма в любых его формах, он боролся с боеспособностью армии не покладая рук. Вот и кабель исчез через какое-то время. Потом Вертер углядел его на одном небольшом огороде нарезанным на части и протянутым вдоль грядок. Из мелких дырочек, набитых по всей длине, медленно сочилась в лунки, из которых проросли какие-то хилые ростки, вода, а вокруг, не обращая внимания на мелкий дождик, проливавшийся тем летом чуть ли не каждый день, ходил донельзя довольный собой плантатор. Его фамилию, думается, называть излишне.

Незадолго до описываемых событий Бараускас наказал все боевые расчеты, отобрав по трешке с каждого в возмещение убытка за испорченные простыни, которые пошли на подворотнички. Доводы пострадавших, что, мол, в лавке материала нет и, вообще - в армии не штрафуют, а списывают, воздействия на старшину не оказали.

В результате Вертер с Огородниковым лишились шести кровных рублей и перспектива провести с пользой и веселием ближайший вечер сдохла, так и не

родившись.

Когда тебя бьют по левой щеке - подставь правую. Но нигде не сказано, что подставлять надо свою щеку.

Уделать прапорщика решили в самое больное для него место - нанести карающий удар по его личной собственности. Осталось лишь продумать, как это сделать так, чтобы не попасть под какую-нибудь слишком уж серьезную статью уголовного кодекса...

3

А ефрейтор Трофимов, конечно, начудил - бросил пить. И не то чтоб на недельку, а в полную завязку ушел парень. Странный какой-то стал, дерганый. Хотя никаких отклонений от нормы до этого за ним не замечалось.

Как всякий нормальный деревенских кровей старослужащий, стал он к концу службы горячим поклонником высокой армейской моды, с головы до ног блистая ее изысками.

Кутюр - штука серьезная. Дилетантам, к которым в описываемое время относились офицеры, не понять было того фанатизма, с которым деда ушивали свою форму, превращая армейские галифе в подобие балетных лосин. Хотя Зигмунд Фрейд мгновенно пришел бы к совершенно определенному выводу, доведись ему хотя бы мельком увидеть распираемые буйной плотью защитного цвета панталоны.

Трофимов был здоровяк от рождения, а последние полгода активно занимался атлетизмом. Это вкупе с ушитыми до крайности штанами выработало у него походку Шварценеггера. Но когда перед вечерней, например, поверкой так же, враскорячку, начинали вышагивать подражавшие ему салаги, чья походка, увы, не подтверждалась накачанной мускулатурой, возникало ощущение, что плац переполнен, *mille pardon*, обосравшимися хлопцами.

Шоферил Серега Трофимов на гражданке - и в армии крутил баранку. Был он в казарме главным активистом по самогону, поскольку имел доступ к бензину, который на любом окрестном хуторе в пропорции двадцать к одному без проблем менялся на не менее горючую, но, что гораздо важнее, более пригодную к внутреннему употреблению жидкость или ее денежный эквивалент.

И вот на тебе! Уж Долгоносик то, понятное дело, доволен был - не описать. Как тот вампир, которому нежданно-негаданно подвезло устроиться медбратом на станцию переливания крови. Он к тому времени уже все перепробовал: и наряды на кухню, и гауптвахту. А уж как устал замполит воевать в автоинспекции за Серегины документы! Даже "Голос Америки" с некоторых пор слушал весьма скептически, а как-то раз сформулировал: "Борьба за права человека - ничто по сравнению с борьбой за водительские права..."

Даже, было дело, в комсомол Серегу приняли - не помогло, куролесил по прежнему. И вот, когда только и оставалось, что пристроить Трофимова то ли в партию, то ли в трибунал, подвернулся удобный случай и спровадил его тогда замполит на посевную в подшефный совхоз.

Вернулся ефрейтор, непривычно тихий и задумчивый, через пару недель. Одно злило Долгоносика - молчал Серега, ни в какую не желал рассказывать, что же с ним такое в совхозе приключилось. И только когда подошло время увольняться в запас, вытянул-таки замполит, змей, угрозами и посулами из него такую историю.

"Как посевную закончили, так мы с мужиками прям на поле и загуляли.

Хорошо кирнули, за всю ту неделю, что всухую проваландали, душу отвели.

Когда прикончили все, что было, решили гонца за добавкой отправить. Ну, на ногах то уже никто не стоял - пришлось мне ехать. Главное, водку пьянствовать - все ударники, а я отдувайся. Но бригадир грит - он там один по-русски шпрехает - что, мол, ты, Серега, kurat, единственный, кто еще может в кабину забраться. Бери, грит, трактор. На нем надежнее: даже если с проселка съедешь - сам же и выберешься. Выручай, грит, коллектив. Я и погнал.

Рванул в поселок. Ну, магазин то, само собой, давно закрыт. Я в шалман, тот, что в дачном кооперативе, у бани. Трактор свой, главное, прям у дверей оставил - чтоб не потерялся. И к знакомому халдею. Он мне, что надо, вынес. Поддали мы с ним на дорожку - и мимо швейцара я прошел уже на четвереньках.

С крыльца сползаю и чувствую - что-то не то со мной творится. Встать уже не могу! И голову не поднять - в зубах авоська тяжеленная. Ну, думаю, двину прямо вперед, покуда в колесо не упрусь.

Тут я слегка задумался как-то... Очнулся - и замечаю, что все еще потихонечку ковыляю на четырех костях, челюсть свело - аж окаменела - а трактора моего все нет и нет. Уже и светать начало, лес кругом, кусты и валежник - и тут до меня доходит - ты "кировец" видал?- что пронесло меня промеж колес...

Делать нечего, устраиваю привал на ближайшей опушке, подкрепляюсь "червивкой". Только закурить собрался - тут меня в первый раз и достало!

Смотрю, по полю дом ползет... Сам по себе. Небольшой такой, аккуратный. Прогуляться, собака, вышел. Медленно так, рывками. И матерится на десять голосов, а иногда вроде даже и не по-нашему. А людей кругом никого, по полю туман стелется - и так мне жутко стало...

Заполз я за камни, сердце бухает, как клапана у трактора. И тут чувствую - смотрит на меня кто-то. Поворачиваюсь..."

Дойдя до этого места, Серега начал путаться и заикаться, но мало-помалу Долгоносик выяснил, что в такой страх вогнали его два карлика, оказавшиеся тогда за его спиной.

Мгновенно протрезвевший ефрейтор уставился на ближайшего из них. Ростом не более полуметра, этот уродец был с головы до ног покрыт мохнатой шерстью, казавшейся светло-розовой в рассветной полутьме. Его большие острые уши стояли торчком, едва заметно поворачиваясь на редкие звуки спящего леса. Огромные и абсолютно круглые глаза внимательно следили за Серегой.

Успел он заметить еще широченные ноздри и ступни, которые тянули на не менее чем пятьдесят четвертый размер. Тут один из карликов протянул к Сереге трехпалую руку, в которой что-то блеснуло. Бравый тракторист успел еще пробормотать: "Все - допился!", переводя взгляд с одного карлика на другого - и отключился.

Слушая Трофимова, даже проникаясь невольно его убежденностью, что так оно все и было, а не пригрезилось в результате общей усталости организма и под воздействием выпитого, замполит постепенно пришел к выводу, что чем бредовее идея, тем легче в нее поверить. "Тем и живем",- подумалось Долгоносику чуть позже, когда он по долгу службы прорабатывал материалы последнего съезда партии.

"Какой вздор! Не может такого быть",- заявит, возможно, автору

возмущенный читатель.

Но кто из нас, предаваясь мечтам, не воспарял в заоблачные выси? И, топчась по меже, разделяющей объективное и субъективное восприятие жизни, весь в облачках сладостных грез - как утопленник в пиявках - не строил отчаянно смелых планов?

Глупец умнеет по мере приобретения знаний. Хотя, впрочем, хорошего дурака не испортит даже самый престижный университет. Удостоверившись же, что всего знать невозможно - он становится философом. И строит планы.

"Вот, мол, подамся в супермены, буду прямо из стратосферы пикировать на злодеев и размазывать их по стенам всякими садистскими приемчиками, по пути хохмы ради до икоты пугая перелетных птиц своим экологически чистым выхлопом.

А то заведу себе Хоттабыча и, покуда его бороды хватит - не сверну со столбовой дороги, ведущей к всеобщему благоденствию в некотором отдельно взятом эмирате.

По совместительству стану еще, например, художником - и напишу шедевр под названием "Мясник, рубящий радиоактивное мясо". Изобразю маслом сидящего на корточках похмельного вида детину в засаленном фартуке, перекуривающего близь окровавленной колоды. А рядом, в таинственном полумраке подсобки, светятся и туша, и топор... Намалюю множество разных картинок, прославлюсь богемностью и распутством, наполучаю престижных премий, сморкаться, шокируя меценатов, буду исключительно в руку, но вскоре, отчаявшись достичь совершенства, вылечу насморк и уйду из искусства в чистую науку.

Превзойду астрономию или какую-нибудь там энтомологию, наоткрываю кучу новых звезд или букашек-таракашек разных - и назову их всех именами любимых женщин - поскольку лучший способ продемонстрировать свою силу состоит в признании собственных слабостей. Но, ими же утомленный, приму постриг, спрячусь от мирской суеты в монастыре, в выкопанной своими руками пещере, где, молясь денно и ночью, смирю гордыню... Или в террористы подамся - и взорву все вокруг к чертям собачьим заради светлого будущего. Всех плохих изничтожу, а затем с горсткой уцелевших построю новый мир, теплый и ласковый...

Только, мол, после всего этого, набравшись под завязочку жизненного опыта, двину в профессиональные литераторы.

И лишь когда все это произойдет - и только тогда - без малейшего промедления откажусь излагать в своих повестях правду, только правду и ничего кроме правды. Ибо именно так проще всего прослыть лжецом."

4

- Мозгов у вас, орлы - мелкому людоеду на хороший глоток! - майор Гога, в просторечьи Гога, высокий восточного типа красавец-мужчина, полным превосходства тоном строил подчиненных:

- Крысы - и те посмышленнее будут. Ну с какой стати они полезут в эту хреновину?

Сказано это было столь безапелляционно, что сержант Вертер будто воочию узрел негасимым светом горящее во лбу Гоги слово "устав", согласно которому убедительность аргументов, о чем бы не шла речь, находится в прямой зависимости от величины и количества звездочек на погонах, а приказ командира можешь, если ты не полный идиот, втихую саботировать, но ни в

кчем случае не обсуждать.

Ну, а хреновиной была заклеена гордость казармы, оригинальной конструкции крысоловка, сооруженная из отработавшего свое обогревателя, вернее его кожуха, и пружин, позаимствованных из чьей-то койки.

От крыс страдали в казарме все, так что половина всех разговоров, о чем бы не шла речь, сводилась к грызунам. Тем более, что поводов к тому они давали сверх всякой меры.

Предприимчивость серой гвардии и так не знает границ, а армейский пасюк, взросший на командном пункте бригады ПВО, в условиях повышенной радиации и на обильном солдатском пайке, не меньше четверти которого съедается и переваривается в темных норах, уникален по своему интеллекту.

Майор Гога, обычно высокомерно отстраненный от мелочей жизни, до недавнего времени свысока поплеывал на все проблемы, проистекающие из пересечения интересов крыс и людей, когда наглая ненасытность одних возбуждает непреходящую брезгливую ненависть других.

Но не далее как пару дней назад его мировоззрению, в соответствии с которым центром мыслящей вселенной являлся он и никто более, был нанесен сокрушительный удар.

Тогда Гога, преисполненный сознания собственного достоинства, заявился на суточное боевое дежурство, источая "секретным" портфелем убийственный аромат присыпанного зеленым лучком копченого палтуса.

Ясности ради следует, видимо, пояснить, что к разряду секретного относится в армии любой предмет, прошитый суровой ниткой, пронумерованный и опечатанный особистами. Потеря его, полная или частичная, грозит трибуналом.

Ничего такого противозаконного майор не совершал, просто засунул в потертый коричневой кожи саквояж, предназначенный для хранения и транспортировки засекреченных документов, с полдюжины бутербродов.

Более того, он бы преспокойно съел их на ужин, кабы не трагическое стечение обстоятельств.

В те времена офицеру на боевом дежурстве в сравнительно спокойные ночные часы портили жизнь лишь планшет - огромный плексиглазовый экран, на котором то и дело появлялись траектории воздушных целей, да телефон прямой связи с подчиненными дивизионами и вышестоящими штабами.

Этот телефон был снабжен большим количеством кнопок, каждая из которых соответствовала какому-то абоненту и загоралась, когда проходил вызов. Тогда следовало придавить пальцем отчаянно мигающий на панели огонек - и можно вступать в беседу. Но ближе к вечеру редкий дежурный офицер утруждал себя нажатием кнопок - это негласно считалось обязанностью находящегося рядом с ним солдата. Так что суточное дежурство позволяло и немного отдохнуть, и испытать при этом чувство исполненного долга.

Вот и майор Гога, приняв вечерние доклады с ракетных дивизионов, расслабился и попытался было сосредоточиться на лихо закрученной интриге прихваченного с собой детектива. Читиво начиналось словами: "*Преступник, как ненасытная тиранья...*" Но удовольствие от неспешного чтения сводил на нет младший лейтенант Ежов, подчиненный Гоге на время дежурства офицер связи, страшно паниковавший в предверии грядущих вскоре аттестационных экзаменов.

Колька Ежов, то и дело влипающий во всякого рода неприятности,

которые с фатальной последовательностью усугублялись его буйным нравом, наверное просто родился под несчастливой звездой. Бывают такие люди, которым, хоть ты тресни - не везет.

Появившись на свет в небольшом приволжском городке, весил он едва ли фунтов пять. "Не жилец, ох, не жилец!" - стонала родная его бабка и уговорила таки, ведьма, свою дочь, партийную и при должности, срочно окрестить младенца.

Совершивший требуемый обряд священник на последовавшем вслед за этим пиру не побрезговал ни "Стрелецкой", ни коньячком и, утратив приличествующее сану благолепие, между жареным гусем и пельменями ехидно заметил соседу, еще не зная, что это счастливый отец новорожденного, что его дело, мол, сторона, но вообще-то в Древней Спарте таких кондиций выпердышей относили к ближайшей пропасти - и без обратного билета.

Чуть позже оказалось, что сверх меры начитанный батюшка к тому же не дурак подраться. Служитель культа с достоинством отмел все попытки вырвать ему бороду, нокаутировав всех мужчин клана Ежовых кроме, разумеется, сопевшего в люльке Коленьки, хлопнул еще рюмку, в ответ на чье-то:

- Своим поведением ты позоришь Господа! - ответил со смирением:

- Бог не партия, его опозорить невозможно! - перекрестил, благославляя, всю честную компанию и с тем удалился. Оставив Кольку расти и мужать в постоянной борьбе с неблагоприятной к нему судьбой. И чего только с ним не приключалось!

Во время последнего отпуска, например, проведенного на малой родине, отец Ежова, начальник вневедомственной охраны, не без задней мысли упросил сына посидеть несколько ночей сторожем в сберкассе, система сигнализации которой временно не работала. "Так оно всем спокойнее будет",- с облегчением думал Ежов-старший, замыкая дверь снаружи на здоровенный амбарный замок.

А Ежов-юниор в это время мрачно вышагивал от стены к стене, последними словами кляня и эту задрипанную резервацию, и свою уступчивость. Трагизм ситуации усугублялся для него тем, что по пути в сберкассу встретил он двух старых школьных приятелей, державших путь в ресторан, и при иных обстоятельствах мог бы уже проводить время не так бездарно, но...

Однако через полчаса, после чекушки, предусмотрительно захваченной им на работу, Ежов смотрел на жизнь уже не так мрачно.

Сберкасса, выходящая фасадом в глухой переулок, располагалась на первом этаже и хотя окна были достаточно высоко - но что такое два половиной метра для тренированного офицера, тем более - вниз. Решетка, как выяснилось, съемная, уже через полчаса была свинчена со своего места. Вот только с окрашенными оконными шпингалетами пришлось повозиться.

Тем не менее, к тому времени, когда ресторанные лабухи закончили настройку своих инструментов и взяли первые аккорды шлягера того сезона, повествующем о том, куда в ледяном тумане на недельку до второго уехал цирк, Ежов, сидя за столиком у самой эстрады, уже вспоминал со своими одноклассниками школьные шалости, поминутно азартно тыкая кулаком в плечо сидящего рядом друга и выкрикивая: "А помнишь!.." Ему давно не было так хорошо. Пистолет же, за отсутствием подходящих карманов, он, не мудрствуя лукаво, сунул за пазуху.

Назад, уже под утро, Ежов шел ватной походкой человека, которому половину костей в нижних конечностях заменили на невысокого качества

пружины. Влезть в таком состоянии в окно оказалось крайне затруднительно. А тут еще пистолет брюхо натирает...

Николай достал оружие, сжал его в зубах, подпрыгнул и повис на скользком карнизе, безуспешно пытаясь подтянуться, но не удержался и мешком свалился на землю.

Именно эту картину узрел ранний прохожий, мающийся бессонницей пенсионер, неторопливо, прихрамывая и цокая на каждом шагу по тротуару металлической тросточкой, вышедший из-за угла.

Ежов по-детски обрадовался: "Муфык!.." - и выплюнул пистолет в руку - "...выручай! Ну никак на работу не попасть..."

Прохожий ошалело перевел взгляд с Ежова на вывеску сберкассы, уронил трость, которую так и оставил в переулке, что-то такое сообразил и совершенно, по мнению лейтенанта, нелогично ушел в ту же самую сторону, откуда только что появился. Причем удалился пенсионер с резвостью, поразившей и его самого, и Ежова.

Пришлось, в общем, лейтенанту подтаскивать под окно сберкассы мусорный бак, вскарабкавшись на который он уже без особых усилий влез в окно. Но когда Ежов, кое-как приткнув на место решетку, собрался немного расслабиться на узком деревянном диванчике, дверь с грохотом слетела с петель и помещение сберкассы заполнили автоматчики в милицейской форме.

"Здорово повезло им тогда, что я про свой пистолет не вспомнил..." - задумчиво говорил в заключение Ежов.

Но отпуск - дело прошедшее, а два дня назад он то и дело заходил в оперативный зал и задавал совершенно дурацкие, на взгляд Гоги, вопросы:

- Саш, ты не помнишь, на какой частоте..?

Выслушивал ответ и уходил, чтобы через пять минут появиться снова:

- Саня, какая расчетная дальность..?

Но больше всего раздражало майора Гогия то, что Ежов бродил по оперзалу с недавно пойманной в казарме крысой.

Прогулка с каким-нибудь кудлатым барбосом или, наоборот, в компании мелко дрожащей короткошерстой сучки предоставляет любителям эпатажа возможность шокировать окружающих лишь в тех редких случаях, когда псина в силу аристократического своего происхождения обременена каким-либо несусветным уродством либо постоянно пребывает в состоянии депрессивной мизантропии. Стоят такие собаки почему-то много дороже симпатичных и добродушных дворняжек. Поэтому Ежов, за невозможностью прогулки с кем-то достойным лично его, совершал вечерний променады по оперзалу с мелкой затюканной крыской.

Длинная веревка, изображавшая поводок, дергалась во всех направлениях. Иногда крыса, обвязанная по туловищу красной нарукавной повязкой дежурного по связи, которой положено было бы быть на Ежове, пробегала всего в нескольких сантиметрах от ног Гоги. Затем звучал очередной вопрос:

- Санек, сколько целей..?

Майор, постепенно закипая, добросовестно отвечал. Но, видимо, на роду у него было написано пострадать в этот день. Гогия обычно аттестовал себя очередной простушке, на которую положил глаз, следующим образом: "В душе я блондин, трепетный и романтичный", что было стопроцентной ложью, поскольку обладал он не только типичной кавказской внешностью, но и

взрывным темпераментом.

Все произошло очень быстро: Ежов зашел в оперзал с явным намерением снова озадачить майора, в это время крыса юркнула под кресло Гога, а на пульте зазвонил телефон. Гога быстро задрал ноги, одновременно снимая трубку и поднося ее к уху, сидящий рядом сержант нажал кнопку, соединяющую его с абонентом, и тут разъяренный дежурный офицер рывкнул, с ненавистью глядя на Ежова и не осознавая, что то же самое говорит в трубку:

- А не пошел бы ты на хер, придурок! - и, не дожидаясь ответа, в нескольких витиевато загнутых фразах лаконично, но очень интимно, как своему сексуальному партнеру, изложил младшему лейтенанту суть "Камасутры".

Как на это отреагировал начальник штаба бригады на другом конце телефонного провода, можно было понять по мгновенно остекленевшему взгляду майора. Еще через минуту он бился в конвульсиях и Вертер посчитал за лучшее на какое-то время смыться из оперзала.

В тот вечер майор потерял не только интерес к жизни, но и аппетит, что для знавших его в лучшие времена звучит ну просто ненаучной фантастикой. Спать он лег самым естественным для боевого дежурства образом - не раздеваясь свернулся клубком на двух креслах. Под голову Гога пихнул вышеупомянутый портфель - и забылся до утра в вязком потном кошмаре.

Около полуночи дверь в оперзал тихонько отворилась. Рядом с Вертером плюхнулся в кресло встрепанный первогодок с заспанными глазами. Сержант похлопал его по плечу и шепнул что-то на ухо. Затем он внимательно оглядел дрыхнувшего майора, пробормотал: "Спи спокойно, дорогой товарищ..." - и, неслышно ступая, направился к выходу. На ходу Вертер достал из кармана какой-то баллончик. Вернулся он примерно через час, заметно повеселевший и слегка пованивающий нитрокраской.

5

В общем, та еще ночка выдалась! Но, слава Богу, не только у наших парней. Даже в основном не у наших - они то как раз все благополучно проспали.

А вот норвежцы вовремя засекли цель, с несусветной скоростью пикировавшую на их родные шхеры. Шла она без опознавательного сигнала и потомки викингов, излишне не философствуя, от всей души выдали по нарушителю границы смертоносный ракетный залп.

Локаторы показали поражение цели, но затем беспристрастно зафиксировали, что этот оказавшийся неуязвимым объект с резким набором высоты уходит в сторону Швеции. Несколькими минутами позже столь же круто он стал снижаться.

Шведы успели врезаться по этой цели два раза, и на западной, и на восточной своей границе - но с тем же результатом: после каждого попадания, невероятным каким-то образом оставаясь цел, объект совершал дикий по скорости и резко набираемой высоте прыжок.

Той же ночью, запросив данные космической разведки, шведы рассчитали последнюю траекторию. Выяснилось, что русские, на чью территорию должно было прийти следующее снижение неопознанного прыгающего объекта, не отреагировали на него никоим образом, то ли проявив свойственное им гостеприимство, то ли начисто его проворонив.

Описываемые события имели место в те наивные годы, когда "поплавок",

ромбовидный синего цвета значок, выдаваемый вместе с дипломом, подтверждающим наличие высшего образования, гуманитарии уже не носили, но еще и не стеснялись его, как клейма неприкаянности и неприспособленности. Когда никто еще слыхом не слыхивал о возможности увеличения груди посредством вакуумного насоса. Когда для выезда из страны требовалось обзавестись альтернативной исторической родиной вне пределов рублевой зоны или стать перелетной птицей, причем второе для большинства желающих представлялось более реальным нежели первое. И порою, особенно во время объявления боевой готовности казалось, что граница больше страшится от прорыва изнутри, нежели от нападения внешнего врага.

6

К тому времени, когда начштаба, впервые в жизни обложенный матюгами младшим по званию, ни свет ни заря прибыл на КП, прапорщик Бараускас уже снял пробу на кухне, но в оперзал, где должен был разбудить дежурного офицера, не торопился. У него в то утро хватало своих забот.

Накануне Бараускас по причине хорошей погоды прибыл к месту службы на своем личном мопеде. Гордился он недавно приобретенной "Ригой" чрезвычайно. Видно это было и по тому, как бережно обтирал прапорщик ярко-оранжевое тулово своего боевого коня, и по той тревоге, которая сквозила в его глазах, когда кто-нибудь из офицеров брал мопед прокатиться.

На время суточного боевого дежурства оставлял он свой велосипед с моторчиком на стоянке соседней части, где мопед находился под присмотром часового. Особое удовольствие доставлял Бараускасу процесс парковки, поскольку неподалеку ставил свой драндулет кто-то из офицеров. Тот мопед, недавно перекрашенный в черный цвет, был куплен уже давно и хотя внешне отличался только мастью, казался Бараускасу дряхлым уродцем на фоне принадлежащего ему великолепия.

Итак, проверив на кухне закладку продуктов и заодно подкрепившись, Бараускас неспешно отправился проведать своего любимца, вполне разумно рассудив, что разбудить Гогиа можно и попозже, а мопед, которым он не любовался с вечера, неплохо бы навестить сразу.

Выйдя за капонир, прапорщик не поверил своим глазам: на парковочной площадке сиротливо стоял только черный мопед, его же красавец исчез неизвестно куда.

Бараускас уронил только что прикуренную сигарету и по-крабьи, как-то боком стал обходить стоянку по кругу.

Ничего это не изменило: с какой точки не смотреть - его мопеда не было.

Оцепенение, в которое впал прапорщик в первые минуты, прошло. И он отправился на поиски. А зайти в оперзал, растолкать дежурного офицера - про это Бараускас и думать забыл.

Поэтому Гога, спавший на креслах, был застигнут врасплох начальником штаба. Вертер, и сам дремавший, отреагировал на неожиданное появление полковника в оперзале первым и привел дежурного офицера в состояние боеготовности, проорав из самого темного угла оперзала:

- Товарищи офицеры!

Майор Гогиа, не вставая с кресел, изобразил положение "смирно" и с грохотом скатился на пол. Уже затем он проснулся, тут же сориентировался и весьма убедительно изобразил, что и не спал вовсе, а всего навсего ищет что-то

под столом. Но когда Гога встал, из "секретного" портфеля посыпались на пол документы, какие-то таблицы и обрывки промасленной бумаги: баул с аккуратно отъеденным крысами углом свой груз уже не держал.

Близкий к нервному расстройству Гога переминался с ноги на ногу. На стене за его спиной виднелся стенд, по верху которого шла надпись "Спасательные работы в зоне...", причем первое слово по традиции всех мест, где вешают такие стенды, по причине отсутствия двух букв читалось ".нас.тельные".

- Службу править - это тебе не старших по званию материть! - с мрачным удовлетворением произнес наблюдавший эту мизансцену полковник.

Двумя часами позже Карымов придумал, как отыграться на Гоге, назначив его начальником "секретки".

Армия любит секреты. Она без них жить не может. А в технических частях есть целые отделы, занимающиеся приемом, систематизацией и хранением секретной информации.

На командном пункте под эти дела была отведена небольшая комнатка в подвальном этаже, забитая архивом и аппаратурой спецсвязи, в обиходе называемая "секреткой".

Служба в этом отделе была в силу его специфики лишена какой бы то ни было приятности. И вот майор Гога, проклиная все на свете, второй день занимался приемом имущества и документации этой самой "секретки".

Свойственная Гоге восточная мстительность, а также тайная надежда реабилитироваться в глазах начштаба демонстрацией своей технической сметки - только это подвигло майора на создание крысоловки оригинальной конструкции. Выглядела она так: на вырезанный из жести круг - анод, была пристроена изоляционная чашечка, которую по краю опоясывала полоска металла - катод. Подсоединенное к сети, это устройство, которое Гога с гордостью продемонстрировал своим подчиненным, должно было стать миниатюрным электрическим стулом.

- Товарищ майор! - поинтересовался Вертер:

- А кто будет объяснять крысам, как им надо вставать и куда ложить голову?

- Простота! - уничижительно отозвался Гога, демонстративно медленно накрошил в чашечку хлеба, поинтересовался: "Еще вопросы есть?" - и отправил подчиненных устанавливать смертоносный агрегат в оперативный зал, здраво полагая, что если презентация плода его технического гения пройдет там, то результат будет виден сразу и всем.

И уже в зале Огородников, не очень то разбиравшийся в физике, долил в чашечку воды, рассудив, что хлебный дух будет сильнее и желающих покончить жизнь самоубийством крыс будет больше.

Вернер тоже внес усовершенствование в крысоловку. Ему, обычно дежурящему в непосредственной близости от закутка, в котором Огородников установил эту адскую машинку, показалось необходимым хоть как-то ее заизолировать. Вот и подложил Вертер под крысоловку толстый кусок коричневого цвета пластмассы, обнаруженный им в столовой и никому, судя по всему, не нужный.

- Кстати, старшина не нашелся? - поинтересовался Гога напоследок.

Хороший вопрос. Пропал целый прапорщик! Хотя кому и на кой могло понадобиться это сокровище?

7

Даже супруга Бараускаса, самая покладистая, по словам старожил Шанхая, как испокон веку именовался военный городок, женщина на свете, сбежала от него. Никто, впрочем, не ставил ей это в упрек. В свое время она безропотно снесла даже увлечение супруга поэзией, и одно это, учитывая специфику его виршей, любовной, к примеру, лирики: "*Что ты тонка и не грудастая - не сожалею, пленят не каждого сисястые - они глупей...*", должно было бы служить ей после кончины пропуском в рай.

Стихи Бараускаса, то и дело появлявшиеся в газете военного округа, беспрестанно подтверждали ту непреходящую истину, что концентрированная глупость рано или поздно начинает казаться истиной в последней инстанции - и наоборот.

Над старшиной потихоньку посмеивались и только бестактный Ежов высказался прямо:

- Ну что ты пишешь? Взять хотя бы это...- и процитировал что-то из патриотического: "*Мы - юная смена земных поколений, идем мы дорогой великих свершений...*"

- А чо? - оскорблялся прапорщик.

- Буй через плечо! Ты эти свершения видал? Литератор, ...! Вставь зубы и улыбайся! - когда Ежов волновался, он иногда выражался несколько туманно.

- Кесарю - кесарево! - добавил он и решительно рубанул себя ребром ладони по области паха. Не находя затем нужных слов, лейтенант огляделся и подозвал к себе проходящего мимо дизелиста Нугзарова, самого грязного и запущенного солдата последнего призыва, в недавнем прошлом выпускника железнодорожного техникума, ныне редактора стенгазеты. Брезгливо ткнув в него пальцем, Ежов продолжил:

- Вот - интеллигенция! Возьмем, образно говоря, которая писатели... И моются то только те, кому чесаться лень. А ты - прапор, яйценосец, и должен чувствовать...

Тут лейтенант окончательно запутался и оставил Бараускаса в покое.

С рифмоплетством старшина покончил в одночасье. Просто написал как-то две строки: "*Погляжу на глаза твои сливки, на простой немудрящий оскал...*", да так и не смог закончить строфу.

Но не успела его жена с облегчением вздохнуть, как на нее свалилась новая напасть: старшина приобрел магнитофон и стал методично, бобина за бобиной, наговаривать на пленку поучительную историю своей жизни. Последней каплей, переполнившей чашу ее терпения, стало требование супруга заучивать наизусть это назидательное повествование. Тогда в первый и последний раз Шанхай услышал скандал в исполнении дуэта Бараускасов, а уже наутро старшина был соломенным вдовцом, в каком состоянии пребывал затем несколько лет.

Он тяжело переживал неопределенность своего семейного положения, но, несмотря на перманентные поиски новой спутницы жизни, оставался, тем не менее, на бобах. Что странно, поскольку зрелый мужчина должен был бы видеть вокруг себя гораздо больше привлекательных женщин, нежели иной робкий юноша. Хотя бы по той простой причине, что пока второй мечется в поисках идеала, гармонично совмещающего в себе ум, духовность и телесную красоту,

первый, лишенный жизнью иллюзий, готов удовольствоваться наличием, на худой конец, и одного только кулинарного таланта.

И вот такой человек бесследно пропал! Днем раньше Бараускаса видели на солдатской кухне, потом часовой углядел, как он исполнил что-то напоминающее круг почета на парковочной площадке вокруг одиноко стоящего там черного мопеда. После этого следы терялись.

Правда, дневальный в казарме утверждал, что видел Бараускаса ползающим под кроватями. Затем было неопровержимо утановлено, что он побывал на складе горюче-смазочных материалов, в окружающем воинскую часть лесу и на свинарнике. Но уже к вечеру первого дня поисков замполиту, которому было поручено это ответственное задание, надоело рыскать по закоулкам и он решил отложить поиски до истечения трех суток, после которых самовольная отлучка старшины классифицировалась бы уже как дезертирство.

А Бараускас все это время искал, с сумасшедшим упорством искал свой мопед. В первый день, зайдя предварительно в свою каптерку, где он запасся флягой, залитой под пробку чистейшим спиртом, он обшарил все дыры на командном пункте, после чего никто не узнал бы в грязном оборванце-клошаре бравого прапорщика.

Затем, регулярно отхлебывая из фляги, он расширил круг поисков. В орешнике вокруг КП было довольно много оставшихся с войны заброшенных дотов. Краешком мутнеющего сознания понимая, что сворованный мопед может быть спрятан и там, ближе к вечеру прапорщик начал их обыскивать. Более или менее регулярно он подходил к опушке леса, откуда просматривалась автостоянка, в смутной надежде увидеть там свой оранжевый мопед, но наблюдал лишь черного цвета развалину на его месте.

Ближе к вечеру порядком пьяный прапорщик зашел на кухню.

- Повер! Воды! - прорычал он, заполнив хлеборезку парами спирта. Затем, получив требуемое и не дожидаясь, когда рассосется белесый осадок в ковшике, проглотил его содержимое.

- Возможно, это спасло кое-кому жизнь,- интимно сообщил он повару-узбеку, легким ударом ноги отправив эмалированную посудину в угол.

- Да лучше б ты сдох,- пробурчал себе под нос повар, но Бараускас его услышал.

- Вообще-то я не себя имел в виду...- многозначительно произнес старшина, поигрывая полуметровым разделочным ножом. Который, на всякий случай, прихватил с собой.

Глубокой ночью, бредя по захламленным катакомбам очередного дота, Бараускас наткнулся на опрокинутый вверх дном солидных размеров ящик, который, судя по следам на полу, двигали, причем недавно.

Сквозь дыру в этом коробе прапорщик разглядел мелькнувшие в свете фонаря красные глаза. Привычный к такому зрелищу, Бараускас, все же слегка обеспокоенный величиной этих глаз, вооружился обломком полусгнившей доски, приподнял ящик за угол и ткнул палкой в образовавшуюся щель.

Однако вместо желанного звяканья дерева о металлические части мопеда он услышал лишь раздраженное шипение и звуки, напоминающие бульканье.

Без эмоций, чисто рефлекторно старшина приподнял ящик повыше и посветил под него фонарем.

Сначала на свету оказались огромного размера волосатые ступни, затем рядом обнаружили еще одни такие же. Вторая пара конечностей находилась в

движении, ее обладатель неторопливо почесывал пяткой правой ноги щиколотку левой.

Бараускас шевельнул фонариком и наткнулся на немигающий взгляд круглых глаз, окруженных розовой шерстью. Такой же растительностью были покрыты непропорционально маленькие тела этих существ.

- Все...- проговорил прапорщик сиплым от потребления спирта голосом - допился...

Он тихонько опустил край ящика на землю и пошел к выходу, однако сделал несколько шагов, в нарушение строевого устава сделал поворот "кругом" через правое плечо, вернулся и, присев на корточки, еще раз потревожил укрывшихся под ящиком карликов:

- Вы мопед не видели? Оранжевый такой...- со слабой надеждой в голосе произнес он.

Один из карликов вроде как улыбнулся, ткнул в грудь трехпалой рукой и полупрошипел, полупробулькал:

- Вшё...

Второй проделал все то же самое, но, показывая на себя, произнес другое слово:

- Допилшя...

Старшина печально посмотрел на них:

- Это точно,- аккуратно накрыл своих новых знакомцев ящиком, выпрямился, достал флягу и влил в себя все, что в ней еще оставалось. Затем, спотыкаясь и натываясь на стенки, побрел к выходу.

Если бы Вертер и Огородников знали, как тяжело отразится на рассудке прапорщика их невинный розыгрыш, они, добрые в общем-то ребята, ни в коем случае не стали бы перекрашивать его красавец-мопед в черный цвет.

8

Фатальное совпадение самого что ни на есть активного возраста воспроизводства с призывным является основной причиной больших и малых трагедий на игровых площадках министерства обороны в мирное время. Инстинкт продолжения рода, начисто лишенный возможностей эмоциональной и физической разрядки, мало-помалу находит себе иную точку приложения усилий.

Опогоненные самцы вне дамского общества деградируют просто на глазах. Армейский целибат, который в отдельных случаях может привести даже к пикантным конфузам, связанным с потерей сексуальной ориентации в потемках казармы, чаще всего кончается все же примитивным террором сильного по отношению к слабому. Что до какой то степени естественно, поскольку служивый, которого со всей бесцеремонностью имеет его родное государство, также стремится в ответ поиметь кого-нибудь.

Понедельник начался, как обычно, получасовой строевой подготовкой. После завтрака Вертер вывел свой взвод на плац:

- Равняйся! Смирно! Правое плечо вперед - шагом марш! - повел он свою команду мимо орешника. Когда кусты остались позади, бойцов в строю заметно поубавилось.

- Песню - запевай! - скомандовал сержант и поплелся, на ходу доставая сигареты, в тенек. Пройдя мимо ворот части, он наткнулся на майора Гогия, который на пределе терпения отчитывал дневального:

- Так вот, Панюська, в этих кусках сланца иногда попадаются останки ископаемых животных - троглодитов. Вы, Панюська, их прямой потомок...

- Ась? - недопонял дневальный и скосил глаза на каплю пота, катящуюся по носу.

- Мудак ты доисторический! - сделал более приличествующей собеседнику свою речь взъерившийся майор:

- Сколько раз тебе повторять: помалкивай! Чем больше молчишь - тем умнее кажешься!

- Так ить все одно придется когда-нибудь рот-то открыть,- засомневался Панюська.

- Открывай! Но молча! - прекратил дискуссию Гога.

Не замеченный им Вертер благополучно прошмыгнул мимо.

- У солда! Та! Вы! Ход! Ной! - Пу! Говицы! В ряд!- чеканя шаг, надрывались на плацу военнослужащие последнего призыва, в то время как "деды" досыпали свое в орешнике.

Вертер уже расслабился в курилке, когда к нему подошел встревоженный, но по обыкновению жизнерадостный Огородников.

- Приплыли! - махнул он рукой на вопросительный взгляд друга. - Дуй в зал, начштаба вызывает.

- Настучал кто-то! - сообразил Вертер. - Ну, народ... Мопед или помидорник?

Огородников пожал плечами:

- Нам это бяз разницы... Узнаешь - приходи на наше место, к шурфу...

Март в том году выдался теплый, снег растаял уже к середине месяца и только в оврагах, куда не доходили солнечные лучи, кое-где еще затаились грязные сугробы. Подустав за зиму от казематной жизни, Вертер с Огородниковым каждый день, как только установилась солнечная погода, отправлялись побродить по лесу.

Однажды, во время одной из таких прогулок, друзья присели перекурить на крыше давно заброшенного, вросшего в землю дзота. Приятно припекало спины, после пройденных по орешнику километров клонило в сон и говорить не хотелось даже о грядущей вскоре демобилизации.

Дремота все сильнее наваливалась на приятелей, но вдруг их внимание привлек едва слышный звук, идущий прямо из под ног. Кто-то, казалось, скреб чем-то острым по бетону, вздыхал, ворочался и снова принимался за работу.

- Ну, дяла...- протянул Огородников и пошел проверять входы-выходы дзота. Тем временем Вертер ткнул носком сапога в присыпанную сухой листвой корявую сосновую ветку, она сдвинулась в сторону и навстречу сержанту черной пастью открылось небольшое отверстие в земле. Вертер опустил на колени, наклонил голову. Ему навстречу пахнуло сырой землей и совершенно отчетливо послышалось хлюпанье, а затем все тот же скрежет.

- Вентиляционный колодец,- объяснил Вертер ничего интересного не нашедшему Огородникову.

Вместе они накрутили на ветку пустую пачку из-под сигарет, зажгли ее и опустили импровизированный факел в дыру.

И на метровой, примерно, глубине увидели вставшего на задние лапы, тянущегося к свету крупного ежа.

- Свил, нябось, гнездо в ямке - и придавил ухо на всю зиму. Потом снег таял, а он опускался вместе с ним,- выдвинул предположение Огородников.

Ежа, пусть и обессилевшего, вынуть из колодца оказалось совсем не просто. Когда веселая суета подошла к концу, Вертер и Огородников были с головы до ног перепачканы землей и соплями, которые еж непрерывно отфыркивал веером во все стороны.

Вечером в казарме, вспомнив вперевалку ковыляющий к лесу серый кактус, Вертер слегка загрузил. Сколько раз слепая удача выручала и его в безвыходных, казалось бы, ситуациях!

Было бы логично предположить, что если уж недоумки существуют - должны быть и своего рода накопители, где они аккумулируются в количествах, превышающих нормальное. При этом сопутствующее им на жизненном пути везение, в иных местах не столь заметное, в этих, скажем прямо, критических точках становится просто нормой жизни. А благополучный выход из неисчислимого количества неординарных ситуаций, создаваемых дураками и полудурками в любой сфере деятельности, возможен лишь на заливке капризной богини по имени Удача. Причем это везение, которым природа компенсирует свою долю вины за их появление на свет, прямо пропорционально активности вышеупомянутой части народонаселения.

Путая причину и следствие, народ пришел к выводу, что везет дуракам и пьяницам. Хотя вторая категория везунчиков в этой формуле счастья - пьяницы - нужна лишь затем, чтобы дать надежду на что-то хорошее в этой жизни и нашей интеллигенции.

Довольно часто бывая в командировках, Вертер никогда не упускал случая наверстать упущенное по части веселого времяпрепровождения, стараясь, однако, всегда держать ситуацию под контролем. Но однажды - дело было в начале второго года службы - проснувшись, Вертер не сразу разлепил глаза. Некоторое время он потратил на приведение в порядок мыслей. К своему стыду он никак не мог восстановить в памяти события, имевшие место накануне. Отдельные эпизоды, правда, проносились в мозгу, но сложить из них цельную картину никак не получалось.

Был стол в уютном ресторане, под опекой знакомой кому-то официантки и поначалу побаивавшийся патрулей Вертер жался по привычке в уголок потемнее, чувствуя себя цыпленком, неведомо как очутившимся в лисьей норе. Было море вина. И водка. И, черт бы его побрал, "Вана Таллинн". Некто элегантный, оттопырив локоть, произносил тост.

Затем, с трудом сохраняя равновесие на мощной булыжниками мостовой, тащились в гору - хотели, кажется, с высоты полюбоваться ночным городом. Всю дорогу пили, утомились и на полпути свернули в парк. Там - вспомнив это, Вертер покрылся холодным потом - он танцевал лезгинку. Или цыганочку?.. Затем тормознули частника, поехали в гости и дальше колобродили в каком-то общежитии.

Вертеру смутно помнилось разбитое окно, неоднократно повторенная фраза: "Коля, ну кончай уже драться, мы же давно помирились!" и многоголосое пение под кое-как настроенную гитару. Но где он находится в данный момент, какой благодетель его спать уложил и кто похрапывает рядом - на эти вопросы Вертер ответов не находил. Положение усугублялось тем, что командировку себе Вертер выписал сам, то есть находился в самовольной отлучке из части.

Все еще притворяясь спящим, Вертер эмпирически, легонько пошевелив задом и услышав в ответ на это движение услужливый скрип пружин, определил,

что лежит, вероятнее всего, на казенной койке. Решив, что находится в том же общежитии, где гуляли, Вертер приободрился, приоткрыл глаза и узрел краешек одеяла того типа, которым у нас укрываются солдаты, зеки и студенты. Поверх одеяла, в которое он был закутан чуть ли не с головой, Вертер увидел обшарпанный потолок, по которому в сторону окна семенил огромный таракан. Сержант с безразличием следил за насекомым, которое стало спускаться вниз по решетке... Решетка!

Вертера замутило. Ему со всей очевидностью стало ясно, что он или на гауптвахте, или в вытрезвителе. Представив себе последствия такой ночевки, Вертер тихонько застонал.

Где-то на улице невнятно загремел репродуктор. Вертеру послышалось, что диктор гнусаво произнес: "Песня "Ох, как мне плохо..." Слова и музыка - народные. Исполняет автор..." И тут он услышал голос, прозвучавший со стороны окна:

- Эй, алкаш! Подъем!

Ни на что хорошее в этой жизни уже не рассчитывающий сержант приподнял голову и увидел поразившую его картину. Оказалось, что помещение, в котором он находится, выглядит гораздо приличнее, чем он предполагал. Койки в два ряда, большущие окна, посреди - стол, за которым два офицера, капитан и майор, пьют чай с бутербродами. Голос, вернувший Вертера к жизни, принадлежал майору. Тот, улыбаясь, повторил:

- Подъем,- и добавил:

- Чай пить будешь?

Вертер встал, обнаружил рядом с кроватью на табуретке свою одежду, быстро оделся и подсел к столу.

Капитан молча налил ему кружку заваренного на мяте чая и подвинул ближе тарелку с бутербродами.

Вертер, сообразив, что дисбат ему, вероятнее всего, не грозит, по прежнему не имел ни малейшего представления о том, где находится. Наконец он отважился на вопрос:

- Товарищ майор, я, конечно извиняюсь - а где мы?

На это капитан фыркнул в кружку, а майор захохотал:

- В Центральном госпитале нашего, черт бы его драл, орденоносного военного округа!

Вертер подавился и закашлялся. Майор постучал кулаком по его спине и продолжил:

- Возвращаюсь это я ночью от... ну, это неважно - и вижу дивную картину на КПП: дневальный спит, ворота закрыты, а на звезде посреди этих самых ворот висит вдрабадан пьяный сержант и жалобным таким шепотом неизвестно кого умоляет пустить его на ночлег. Ну, я и сам сколько раз в командировках оттягивался до потери ориентации в пространстве и времени... В общем, дотащил я тебя до палаты, а санитары раздели...

Вертер переваривал информацию. И пришел к выводу, что простившись с собутыльниками, вероятнее всего, заблудился, и в том состоянии, в котором был, с облегчением упал грудью на первую же попавшуюся ему жестяную звезду, одну из тех, которыми украшены были ворота воинских частей по всему Союзу. Звезду, ставшую ему родной за время службы.

Но взгрустнулось Вертеру вовсе не из-за участвовавших в его жизни за последние два года случаев везения, против этого он как раз таки ничего не

имел. Гораздо хуже было другое.

Глупость заразна. А страшнее всего то, что она с необычайной легкостью принимает благообразный облик, обрастает традициями, ограждает себя законами - и распространяет свой образ жизни на любого, оказавшегося в ее зоне влияния. Не желающему быть растоптанным приходится сожительствовать с ней и рано или поздно он с ужасом начинает понимать, что и сам становится творцом нелепостей, подчас совсем не безобидных.

Когда Леха Бортник, парень одного с Вертером призыва, что в армии приравнивается к кровному родству, в свою очередь, хотя и при иных обстоятельствах, попал в госпиталь, он, маленько оклемавшись, занял очень активную жизненную позицию. Медицина, она ведь чем хороша? Лечись - не лечись, а конец все одно будет у всех один. Поэтому Бортник, будучи стихийным эпикурейцем и фаталистом, пренебрегал назначениями врачей и режимом, прокладывая тропы в близлежащие магазины - с одиннадцати до семи, общаясь с симпатичными дежурными медсестрами - по вечерам, и круглосуточно организовывая картежные вакханалии.

Еще он внимательно слушал и когда оказалось, что в хирургии находится на лечении майор Дудиков, его непосредственный начальник, постарался выяснить историю его появления в госпитале.

Дудиков с некоторой даже гордостью сам себя называл "самый старый майор Советской Армии" и не возражал, когда сослуживцы именовали его просто Дедом. И к седым волосам сохранил он юношеский задор и страсть к авантюрам. Жена ревновала его неимоверно, поскольку тверезый - Дудиков был еще ого-го! В общем, рекомендован ведущими собаководами и годен к использованию - без ограничений и противопоказаний. Поэтому, угнетаемый дома супругой, вольнолюбивый Дед хватался за любую возможность сходить налево, напоминая порой барбоса, который пыжится оросить каждый встречный столбик. Иногда это кончалось печально - и не только для него.

Даже относительно мягкая прибалтийская зима существенно уменьшает возможности кобелирования для расейских Казанов. Физиологические процессы на морозе частью замедляются, частью прекращаются вовсе. Поэтому, познакомившись с некой довольно уступчивой на вид дамой, по нижним конечностям которой можно было бы запросто сварганить исследование об удручающем влиянии подобных ножек на количество сердечно-сосудистых заболеваний у мужчин, Дудиков, дабы отметить это радостное событие, привел ее в отапливаемый гараж, где как рачительный хозяин держал зимой на приколе свою "Волгу". Чем выше каблук, тем охотнее мужики под него забираются.

Сиделось им там прекрасно, только вот напитков не хватило и Дед, пенопластовый обольститель - гулять так гулять! - отправился за добавкой в ближайший гастроном, во избежание каких бы то ни было сюрпризов заперев свою Дульсинею в гараже.

Назад он уже не вернулся, поскольку, обуреваемый всевозможными приятными предчувствиями, потерял бдительность, подскользнулся и грохнулся на тротуар, не только разбив две бутылки вонючего ликера, но и, что гораздо печальнее, сломав ногу.

С первых минут пребывания в приемном покое травмапункта Дудиков начал требовать к себе соседа по дому в офицерском поселке, которому, собственно, и принадлежал гараж. Однако медики отнеслись без всякого

сочувствия к пациенту, от которого несло алкоголем, как от дьявола серой. Пострадавшую ногу, которую Дед, как попавший в капкан хорек без колебаний отгрыз бы, не мешай ему живот достать до нее зубами, упаковали в гипс и подвесили на растяжку. Поэтому майор, не сомкнувший за ночь глаз, смог встретиться с приятелем лишь на следующее утро. Дудиков вручил ему ключи от гаража и слезно попросил выпустить на свободу томящуюся там узницу.

Сосед согласился и немедля отправился в гараж, дверь которого он отпирал в самом что ни на есть игривом настроении. Когда заскрипели петли, он просунул голову внутрь и, улыбаясь своим мыслям, весело произнес: "Ку-ку!" И очень удивился, тут же получив по затылку домкратом.

Как выяснилось позже, оставленная в одиночестве красотка сохраняла верность своему кавалеру часа примерно полтора, после чего принялась звать на помощь. Довольно скоро охрипнув, она озверела и принялась планомерно уничтожать ни в чем не повинную "Волгу". К утру эта дама была готова на все, а больше всего ей хотелось убить того, кто запер ее в этом пропахшем резиной и соляркой сарае.

А сосед, кстати, оказался в той же палате, что и Дудиков, с целым, слава Богу, черепом, но основательно сотрясенным мозгом. Спасла его только меховая шапка. Ничего, выжил. Только вот в течение нескольких лет его одолевали приступы мигрени от одного лишь вида часов с кукушкой.

Леха Бортник быстро надоел госпитальному начальству и от него избавились сразу, как только это позволили его анализы. Вернувшись в часть, он не стал скрывать от общественности пикантные детали происшествия, ставшего причиной хромоты майора Дудикова. В результате жизнь Деда превратилась в сплошной кошмар, поскольку окружающие без устали, находя это остроумным, поминали гараж. В обиход прочно вошло выражение "Полный гараж!", констатировавшее, главным образом, крайнюю степень отчаяния.

Дудиков крепко обиделся. А тут как раз подошла пора распределения дембельских работ. И озадачил он Бортника строительством теплицы.

Не служивший может и не понять, что речь идет о прекрасной армейской традиции - оставить перед уходом на гражданку в родной воинской части память о себе. Положить, например, плитку в столовой. Или, если тянул лямку в сельской местности, лишенной канализации, то возвести хотя бы дощатый туалет в каком-нибудь располагающем к задумчивости месте.

И пусть твердят снобы, что, мол, память - она в основном нематериальна. Что стремиться надо к нерукотворным вершинам. Пусть нудят, что с высоты, на которой, захлебываясь восторгом, парит в минуты вдохновенья дух творческой личности, эту кособокую дурно пахнущую будку не разглядеть и в цейссовскую оптику. Пусть их болтают. Практичным людям, каковых в армии большинство, известно не понаслышке, что духовность даже самого отпетого интеллигента упадет в кому, если в момент, когда организм потребует отдать природе переработанные им белки, жиры и углеводы, поблизости не окажется приспособленного под этот процесс помещения...

Бортнику, учитывая, что все материалы для его личной стройки века предстояло изыскивать опять же ему самому, конечно, не повезло. Но возражать он не стал. Спор - дело тонкое, деликатное. Помня высказывание Долгоносика на одном из политзанятий: "Факты - это одно, а аргументы - совсем другое, о чем нам без околичностей говорит название известного еженедельника..." - Бортник и не подумал вступить в прения с майором. Выкручиваться предстояло

самому.

Он мог бы, разумеется, отказаться, но тогда и демобилизовался бы в конце июня, числа так тридцатого, на семь недель позже более счастливых своих однополчан. И тогда на помощь ему пришли Вертер и Огородников - утереть нос зарвавшемуся Деду стало для них делом чести. Причем выручить друга они решили из самых что ни на есть чистых побуждений. Это вам не забота об общем благе, которая чаще всего служит лишь прикрытием для своекорыстия и болезненного тщеславия.

Кто ищет себе сильного друга - находит хозяина. В истинности этой мысли тем же вечером, через полчаса после отбоя, убедились человек двадцать солдат последнего призыва. Руководствуясь при подборе рабсилы наличием взаимной симпатии, Вертер разбудил и затем привел на полянку вблизи шурфа - место, отведенное под теплицу, только тех, кто, как он надеялся, не пойдет на следующее утро информировать замполита.

Попав в армейскую службу, оказываешься на улице с односторонним движением. Проехать по которой против течения можно, но лучше это делать ночью, когда встречный поток не такой сильный.

Огородников, как потомственный колхозник, более сведущий в овощеводстве, сразу вооружил лопатами пятерых воинов и принялся расчищать площадку под теплицу. Вертер же запасся кое-каким слесарным инструментом и отправился с остальными в находящийся по соседству небольшой, но удивительно красивый провинциальный городок, единственным несчастьем которого были окрестные воинские части.

Когда его команда добралась до места, город уже спал. В полной тишине воины дошли до уютного рынка, расположенного в центре, и огляделись.

Очень скоро Вертер обнаружил то, за чем пришел. Остов недостроенного павильончика, уже аккуратно закатанного по основанию в асфальт, но еще не обшитого досками, идеально подходил для задуманного.

С асфальтом возиться не стали. Восемь несущих металлических труб, к которым были приварены все остальные элементы конструкции, просто спилили. Все происходило в полной тишине: орудуя ножовками для конспирации накрыли бушлатами. Затем дружно ухватились и вынесли павильон из города, никого по счастливой случайности не встретив и оставив на рыночной площади лишь огрызки труб в асфальте.

В городе все прошло гладко, а вот шесть километров до командного пункта шли три часа, путая следы на лесных дорогах и один лишь раз выйдя на открытое место.

Уже под утро, установив конструкцию по новому месту прописки, команда снова разделилась, и пока одни заносили землю, куда сразу втыкалась какая-то вялая рассада, другие перекрашивали павильончик из желтого в зеленый цвет и обтягивали пленкой, позаимствованной из личных запасов прапорщика Бараускаса, неизвестно куда девшегося.

Хотя - какие такие секреты могут быть у автора от горячо любимого им читателя? Лукавство, присущее высокоорганизованной материи, всегда и во всем уверенной в своем превосходстве, так и подзуживает его во имя сохранения престижа человеческой расы обойти молчанием тот прискорбный факт, что Бараускас в это время вот уже вторую ночь подряд мирно спал в заброшенном доте, свернувшись клубочком в изножье двух покрытых розовой шерстью неизвестного происхождения уродцев. Что иногда он, как осиротевший

щечок, поскуливал во сне и тогда трехпалая рука тянулась из темноты почесать его за ухом или похлопать по нервно дергающейся попке. Что накануне вечером, добиваясь понимания, изверги долго мучали Барауска какими-то схемами и рисунками, становящимися все проще и проще. Но ввалившийся в прострацию прапорщик ни в какую не шел на контакт. Лишь однажды он механически отреагировал на откатившуюся в сторону палочку, изображавшую катет почти прямоугольного треугольника, сходяв за ней в темный угол. Мохнатая парочка переглянулась и последующие полчаса развлекалась, гоня Барауска за поноской по захлавленным коридорам дота.

В общем, пока рядовой состав трудился в поте лица, утомленный прапорщик дрых без задних ног. И некому было обратить внимание на одинокий самолет, медленно проползавший над командным пунктом. И уж никто, кроме угрюмо молчащего экипажа капитана Симоненко, отважного пилота, пронзавшего пространство со скоростью семисот примерно километров в час на борту вышеупомянутого летательного аппарата, не слышал, в каких сочных выражениях вот уже третий час проклинал он жизнь свою неудавшуюся.

Но об этом позже. На земле тем временем жизнь продолжалась. Преисполненный благодарности Бортник сбегал на соседний хутор за самогонкой. Каждому досталось по теплomu вонючему глотку, теплицу нарекли помидорником, а пустую бутылку по морскому обычаю разбили об один из столбов.

Именно этот трудовой подвиг собирались отметить Вертер с Огородниковым на своем любимом месте у шурфа, когда Вертера вызвали в оперзал. Поэтому, зная за собой парочку солидных даже по армейским понятиям грехов, шел он туда с легкой опаской, готовый, на всякий случай, к любым сюрпризам. Впрочем, к подобному состоянию ему было не привыкать: если принять на веру утверждение, что лучшее снотворное - чистая совесть, то Вертер с полгода уже должен был бы маяться бессонницей.

На этом, собственно, кончается представление героев, особо отличившихся в этот столь обыкновенно начавшийся день, один из многих.

9

Вертер прижался к стене, пропуская выходящих из оперзала офицеров и ловя бессвязные обрывки фраз:

- ...знаешь ведь - он как на новую кадру нацелится - сразу хвост распускает. Да такой, что на трех павлинов хватит...

- Главное, что обидно? Я ж это знал - абсолютно точно, но забыл - как обычно...

- Кто ему, интересно, посоветовал Бортника к погранцам отправить? Подкрепление называется! У них и так хлопот по горло с этим дезертиром, а тут еще с пришлым раздолбаем возись...

- ...и тогда докумекали перевести, что там на этикетке написано. В общем, думали, что пьем, оказалось - лечимся...

Сержант, подтянув ремень и сдвинув пилотку с затылка, где она держалась каким-то чудом, на лоб, проскользнул в полуоткрытую дверь.

В оперзале было прохладно и полковник Карымов разминался, делая махи руками. Планшетисты, невидимые за огромным темным стеклом, едва слышно постукивали мелкими, нанося на экран цели. Рядом, опершись на пульт

управления, разлагольствовал о генетике майор Голубков, нормальный, по мнению Вертера, мужик, с виду - просто жизнерадостный пузан:

- Вот я и мыслю - может меня скрестили с арбузом? Что не делай - ни в какую не похудеть. А так оно, конечно, понятно: где ж вы видели худой арбуз?

Вертер доложил. Начштаба хмуро оглядел сержанта:

- Значит так, архитектор...- от этого намека на ночной сабантуй у Вертера перехватило дыхание. Пристально, как экзотическую букашку рассматривавший его полковник ухмыльнулся и продолжил:

- Сейчас - мухой! - откроешь оружейку и выдашь офицерам личное оружие и по десять патронов. После стрельб примешь гильзы. Да - и Бортнику автомат.

- А патроны? - уточнил Вертер.

- Дашь один, если пообещает застрелиться,- вполголоса посоветовал оказавшийся за спиной Вертера замполит.

Майор Дудиков, Дед, предпочитал активный отдых любому другому времяпрепровождению. "Ежели кто понимающий человек, так дамочка и водочка... или водочка и удочка",- поучал он как-то Ежова -"лучше этого ничего нету. Сидишь эдак вот на бережку, расслабляешься... Хотя тебе, холостому, этой красоты не понять. Тихо, покойно... сердцем помаленьку отходишь, добреешь на глазах... прям убил бы любого, кто помешает!"

И говорить нечего - Дудиков отцу родному отгрыз бы зубами слепую кишку, вознамерясь тот воспрепятствовать сыну провести выходной день в созерцании поплавка. Хотя в случае Деда можно было говорить о бескорыстной любви к рыбалке: чаще всего его добыча в граммах была примерно равна весу утопленной улова ради наживки. Но Деду на это было начхать. Порок торжествует, пока способен приносить удовольствие. А мнением дождевых червей можно и пренебречь.

Поэтому Дудиков, решивший провести законный отгул на рыбалке, к тому времени, когда Вертер закончил выдачу оружия и боеприпасов, оказался в устье небольшой речушки. Втащив свою моторку в прибрежные заросли, он огляделся и счастливо вздохнул...

Чувства сродни тем, что испытывал первый червяк, сначала парализованный ядовитой слюной Дудикова, а затем отравленный в гости к рыбам, обуревали капитана Симоненко. Инструктаж командира эскадрильи, в которой он проходил службу, отличался, на взгляд капитана, излишней вьедливостью. И если разбор ночного полета прошел как по маслу, то, ставя боевую задачу по возвращению на родную базу, командир явно переборщил, в сотый раз напомнив личному составу о досадном недоразумении, некогда приключившимся с их полком.

Дело было ранней весной в Сибири. Ледоход в том году ожидался необычайно мощный, и местные власти не без оснований опасались за судьбу одной стратегического значения переправы через Енисей. Времени на обычные в подобной ситуации взрывные работы вверх по течению от моста не оставалось. И тогда на помощь была призвана авиация.

Экипажи бомбардировщиков, получившие в качестве цели несколько квадратных километров речного льда, разошлись по боевым машинам в более чем радужном настроении. Общим мнением прозвучало сказанное кем-то, что, мол, "это на полигоне врезать по мишени, изображающей мост - так семь потов

сойдет. А речку встряхнуть - плевое дело. Развлечение, а не работа."

В скором времени эскадрилья легла на боевой курс и успешно отбомбилась. Лед покروшили на славу. Но и мост как корова языком слизнула.

Слушая командира, офицеры тихо страдали. Их мучениям посочувствует всякий, кому хоть раз приходилось выслушивать ахинею, которую несет начальник. Напрягая при этом лицевые мускулы в маску, долженствующую изображать и слепую преданность, и, одновременно, напряженную работу мысли, что несовместимо по определению. И только капитан Симоненко злорадно ухмылялся, предвкушая скорое возвращение домой и встречу с горячо любимой женой.

Вертер собирался уже закрыть оружейку, когда заметил неподалеку рядового первого года службы Панюська, скромно переминавшегося с ноги на ногу.

- Чего тебе? - подбодрил его сержант.

- Так это...- пробормотал Панюська, не зная, куда деть руки:

- В орешнике... там... Сохатый, в общем...

О чем речь, Вертер понял сразу. В последний раз, когда в окрестностях командного пункта появился лось - а случалось такое не часто - дежуривший тогда по роте сержант вдруг, ни с того ни с сего предложил дежурному офицеру организовать чистку оружия. Офицер несказанно удивился подобному рвению, но разрешение дал и снял оружейку с сигнализации. И за те полтора часа, которые младший призыв провел, надраивая автоматы, три воина, среди которых в качестве грубой рабочей силы был и Панюська, успели вынести из казармы карабин, сбегать в лес, уложить лося, вернуться и вычистить до сияния орудие преступления. Вспомнив, как они тогда неделю объедались мясом, Вертер невольно сглотнул слюну. Наблюдавший за ним Панюська подлил масла в огонь:

- И эти... ну, пули... земля из штаба, в общем, отсыпал малость...- и достал из кармана пригоршню патронов. Это решило дело. Получив автомат и строгий наказ вернуться не позже, чем через час, Панюська испарился, а Вертер остался ждать браконьера в казарме, забыв, что его самого дожидается у шурфа однополчанин Огородников.

На живописной лесной дороге, ведущей от расположенного неподалеку городка к командному пункту, разгорались тем временем нешуточные страсти.

Можно ли классифицировать утюг, как холодное оружие? Прилично ли использовать в протоколе такое слово, как "педераст"? А пишется оно через "и" или "о"? И еще - за такое оскорбление при исполнении надо давать десятку строгого режима или сразу "вышку"?

Наряд милиции, состоящий из двух человек, так увлекся беседой, что на крутом повороте, после которого начинался длинный подъем в гору, едва не съехал в кювет. Произошло это после того, как прямо под колеса их мотоцикла, передвигаясь странными обезьяньими прыжками при неподвижно висящих руках, выскочил из зарослей орешника какой-то небритый оборванец. Бежал он ссутулившись, волоча за собой огромный нож, который сжимал в левой руке.

Мотоцикл понесло юзом. Но не успел он остановиться на обочине, как бродяга ловко заскочил на коляску, сел на корточки и ухватился за руль, оскалив зубы и зарывав на водителя. Тот мельком глянул в горящие потусторонним огнем глаза и стал тихонько сползать с седла.

- Гражданин, прекра...- начал увещевать незванного гостя сидящий в коляске старшина, но договорить не успел. Оборванец мгновенным движением сорвал с него каску и ею же нанес несколько гулких ударов по находящемуся выше уровня погон шарообразному отростку. Подавив сопротивление правоохранительных органов, он оглядел мотоцикл, медленно слез с коляски, врезал напоследок каской по спидометру и не оглядываясь пошел в лес.

- Йети! - глядя ему вслед, восторженно прошептал водитель, на четвереньках вылезая из кювета.

- Какие еще "эти"? - огрызнулся не столь образованный старшина, открывая глаза и убирая руки с головы:

- Он же был один! - и плаксиво крикнул в сторону леса:

- Отдай каску, морда, она ж казенная!

Перекурив и маленько успокоившись, менты вспомнили, что находятся на задании и, вообще-то, вооружены. "А ведь он был в форме,"- вспомнил существенную подробность водитель. "Ты про "лесных братьев" слыхал?"- оглянулся по сторонам старшина. "Откуда бы им тут взяться?"- не поверил водитель. Его собеседник хмыкнул: "А где им еще водиться? На Аляске?"

Наползавшие с моря тучи закрыли солнце, на лесной дороге стало сумрачно и неуютно. Милиционеры заторопились, но мотоцикл ни в какую не хотел заводиться. "Придется толкать,"- затосковал водитель.

Дорога шла в гору, после пятой безуспешной попытки завести двигатель решили сделать еще один перекур. "А чего мы в подъем-то его тащим?"- сообразил вдруг водитель: "Вниз ведь легче!" "Так нам туда надо,"- с железной милицейской логикой махнул рукой в направлении движения старшина и застыл: из чащи отчетливо послышался хруст валежника. Менты дружно присели за мотоцикл, до рези в глазах всматриваясь в лесную полутьму.

"Ой, мама моя родная..."- пробормотал водитель, углядев продирающуюся сквозь кусты зловещего вида фигуру: рукава грязно-белой нижней рубахи закатаны по локоть, сами руки расслабленно лежат на автомате, что-то вроде защитного цвета френча намотано вокруг пояса.

Благоразумно пропустив мимо себя этого головореза и дождавшись, когда его шаги стихнут, милиционеры молча, уже не останавливаясь, покатали свою таратайку на командный пункт, под защиту армии - такое он произвел на них впечатление. Ничего неестественного не усмотрел бы в этом никто из лично знавших Бортника, своего в доску парня при совершенно, по Ломброзо, бандитской физиономии. Даже если бы он был без оружия. А ведь это именно он мирно шел кратчайшим путем на соседнюю пограничную заставу, откомандированный в оцепление на очередного дезертира.

Майор Гога в могильной тишине "секретки" отчетливо слышал биение своего сердца, колотящегося с частотой отбойного молотка. Он закрыл глаза, попробовал успокоиться и снова повел пальцем по списку совершенно секретных документов. Дойдя до четвертой строки и глянув затем в конец страницы, Гога еще раз удостоверился, что за фигурирующий в описи под номером 1976/0003СС пакет он, принимая "секретку", расписался. Кошмар же ситуации состоял в том, что именно этот документ ему было никак не найти.

"Спокойно, не суетись,"- уговаривал сам себя Гога: "Вещи не пропадают бесследно, хотя иногда подло перемещаются в пространстве... Здесь пакета, предположим, нет. Мало ли мест..."- соображал майор. "Я ж его брал с собой на завтрак, когда ключ от сейфа не мог найти!"- осенило его внезапно.

Но даже хорошая память не всегда помогает. Вот, к примеру, когда Гогиа первым в офицерском городке установил на входную дверь своей квартиры кодовый замок и, как следует обмыв это дело, глубокой ночью вернулся домой - комбинацию цифр он как раз таки помнил. Но вот нажать в нужной последовательности на пять кнопок и уложиться при этом в полторы секунды, как того требовало устройство замка, не получалось ни в какую. Ночевал тогда Гога на парковой скамейке, благо погода стояла теплая. Сегодня же, судя по всему, майору предстояло знакомство с нарами гарнизонной тюрьмы, поскольку ни в одном из мест, где, по его разумению, мог оказаться проклятый пакет, обнаружить его не удалось.

Оттягивая ужас доклада по начальству, Гогиа отправился в еще один обход по коридорам командного пункта. Проходя мимо класса политподготовки, он приостановился и послушал дизелиста Нугзарова, мучающегося у политической карты мира:

- СССР имеет общая граница таким сранам, как Румыния...

Он замолчал и прищурился, вглядываясь в карту.

- Ну?! - подал из угла голос замполит. Джигит заторопился:

- Еще Советский Союз имеет Польшу и Финляндию...

Нугзаров сделал паузу, посопел и очень убежденно добавил:

- Но Польшу имеет больше...

В классе раздались смешки. Гога побрел дальше. Губы его шевелились в беззвучной мольбе.

Люди делятся на искренне верующих и атеистов. Первые смиренно возносят к небесам молитвы, вторые же, вспоминая о Боге исключительно в минуты глубокого уныния, способны извлечь из недр своих лишь склочное "За что?" и ворох пустых обещаний. Причем сами они не верят в действенность своих воплей, поскольку Господь в их представлении несколько глуховат. И уж почти наяву, в подтверждение своего скепсиса, зрят они объявление у подножия трона царя небесного, начертанное огненными буквами: "Страховых услуг не предоставляю. Аминь."

Не отдающий себе отчета в своих действиях, Гогиа тем временем свернул в коридор, ведущий к вентиляционной камере. Единственная, к тому же очень слабая лампочка, стала виновницей того, что остановился он, лишь уперевшись в дверь рядом с решеткой, за которой со слабым гудением вращались лопасти огромного вентилятора.

"Что за жизнь, сплошные тупики," - страдал Гога.

Вдруг майору почудилось какое-то движение за решеткой. Он застыл и пристально всмотрелся в полумрак венткамеры. Увиденное он принял за галлюцинацию, что Гогу хотя и не порадовало, но и не так чтобы особенно поразило.

Гогиа углядел сидящего на бетонном полу, покрытого густой шерстью карлика. Перед ним застыло в напряженных позах несколько здоровенных крыс. Они стояли полукругом и лишь одна из них, самая крупная - таких майор и не видывал никогда - чуть впереди.

Карлик вытянул вперед трехпалую руку и на полосатый, в следах от опалубки, пол упала серебристая капля. От удара она разлетелась вдребезги, но очень скоро эти брызги скатились в небольшое углубление и образовали живую блестящую лужицу.

Стоящая особняком зверюга оскалилась и, казалось, зашипела. Звука Гога не слышал из-за вентилятора. Но из строя за ее спиной тотчас вышла крыса

и осторожно исследовала подарок карлика. Ее усы и нос непрестанно шевелились.

- Дожил! Уже домовые чуются! - громко заявил о своем присутствии майор, однако ожидаемого эффекта не достиг. Обитатели венткамеры не растаяли в воздухе, как это полагалось бы приличным привидениям. Крысы степенно удалились в дальний угол, пропав, одна за другой, из поля зрения, а карлик направился в сторону Гоги. Через секунду дверь венткамеры отворилась и уродец встал в проеме. Он оглядел майора, вздохнул, и показал ему зажатую в руке палочку. Затем он швырнул ее вдоль коридора, свистнул и легонько подтолкнул Гогу в поясницу. Гогия послушно зашагал в указанном направлении, а за его спиной гулко хлопнула дверь.

Старослужащий Огородников терял последнее терпение. Он снял с руки часы, потряс их и приложил к уху. Да нет, все в порядке, ходят. "Где ж Вертер то бродит, сколько ждать можно?" - возмущался Петр Константинович. Именно так обращался к нему иногда Вертер, подчеркивая свое уважение к основательности и широкой натуре друга.

Время неотвратно шло к обеду и от взгляда на тонко нарезанное домашнее сало с чесночком, хлеб и лук в глубокой миске живот начинал противно урчать. Чтобы хоть немного отвлечься, Огородников достал из лежащей рядом сумки от противогАЗа зеленого стекла бутылку, сорвал пластиковую обертку с горлышка и присвистнул при виде пробки. "Штопора то нет, придется проталкивать..." - расстроился он. Но тут же улыбнулся, воочию представив, как прокомментировал бы эту ситуацию Вертер. За два года они досконально изучили друг друга. Небось сказал бы, что вот, мол, штопор - лучшее доказательство тому, что прямые пути не всегда самые эффективные.

Огородников и сам это знал. Ему это внушили на второй день службы, когда за какую-то провинность сержант предложил молодому солдату на выбор или драить соляной кислотой "очко" в туалете, или мыть лестницу. Необстрелянный Петька предпочел, конечно же, второе. Чуть позже выяснилось, что высоченную, в тридцать ступенек мраморную лестницу необходимо мыть снизу вверх. Тому, кто сам не прошел такого испытания, просто бесполезно объяснять, почему в дальнейшем, поставленный перед аналогичным выбором, Огородников всегда выбирал туалет.

Петр Константинович пыхтел над пробкой, когда невдалеке раздалось знакомые голоса. Прислушавшись, Огородников понял, что метрах в двадцати от него зачем-то собрались офицеры командного пункта. Сам он находился в надежном укрытии, расположившись в ложбинке меж трех небольших холмиков. Офицеры же галдели по другую сторону шурфа, довольно глубокого в этом месте. "Какого рожна рексам тут надо?" - не так чтобы очень встревожился Огородников. Но привстав, он смог увидеть только их фуражки, поскольку с той стороны вдоль канавы шел еще невысокий земляной вал. Окончательно успокоившись, Петька продолжил свое увлекательное занятие, даже и не вспомнив, что по другую сторону шурфа расположено стрельбище.

Приходится признать, что утверждение - труд, мол, облагораживает - излишне категорично. Или же с подобающей печалью констатировать: милицейская форма образца восемьдесят четвертого года никоим образом не была рассчитана на то, что от носящего ее, помимо в высшей степени могучего

интеллекта, обстоятельства могут потребовать и каких-то физических усилий.

Может быть поэтому дотолкавшие таки до командного пункта свой мотоцикл с коляской милиционеры выглядели, мягко говоря, непрезентабельно. Свои кителя они давно скинули, уложив их в коляску. Пот лил с них градом: последние триста метров, после того, как им встретился в лесу еще один человек с ружьем, менты проделали галопом. Панюська же, увлеченно выслеживавший лося, их даже не заметил.

Милиционеров неприятно удивило отсутствие дневального на КПШ. Уж и не зная, какие еще сюрпризы готовит им судьба, они решили сначала, не привлекая к себе внимания, спрятать свой мотоцикл в зарослях можжевельника. Наиболее безопасным показался старшине свободный от кустов пятачок с теневой стороны теплицы, на которую они вскоре наткнулись.

Пока водитель маскировал своего железного коня, старшина обошел вокруг теплицы, крайне подозрительно ее разглядывая. "Слушай, а ведь мы его нашли," - сам до крайности удивленный, обратился он к водителю, демонстрируя испачканный свежей краской палец. Тот не сразу понял, что речь идет о рыночном павильоне, похищенном накануне из их городка. А моментально повеселевший старшина уже изготавился писать протокол обнаружения, когда...

...в нескольких километрах от него на крохотную полянку, устланную прошлогодней, сгнившей за зиму листвой, сквозь которую жизнерадостно пробивалась ярко-зеленая трава, вышел из лесу прапорщик Бараускас. И остановился, уставившись на желтое пятно песка перед собой.

Даже в том состоянии, в каковом он пребывал последние дни, старшина в силу природной недюжинной своей сообразительности понял, что находится на месте недавнего захоронения. Кого или чего - это предстояло выяснить. Чем черт не шутит, может ему повезло набрести на место последнего упокоения мопеда?

Оптимизм - это даже не жизненная позиция, это диагноз.

Бараускас опустил на колени, отложил в сторону свой позаимствованный в столовой нож, больше похожий на секиру, и снятой с головы трофейной каской принялся, урча, отгребать в сторону песок. Ему казалось, что наконец-то он на верном пути что удача повернулась к нему лицом, а не тем местом, которое он лицезрел последние несколько дней. И хотя...

...майор Дудиков в это самое время был глубоко несчастлив, ни о чем это не говорит, кроме как о многогранности жизни во всех ее проявлениях.

Дудикова подвела его самонадеянность. Рыбачить он предпочитал в пограничной зоне, где можно было хоть какое-то время побыть в одиночестве. А вот пропуском уже давно не запасался, считая, что зеленый свет в запретке гарантируется ему знакомством со всеми офицерами местной заставы.

В поисках хорошего места Дудиков отошел от берега, заняв позицию на небольшой отмели, через которую иногда перекатывала вода. Клева не было, настроения, соответственно, тоже никакого.

Дед стоял спиной к берегу и не заметил, как у его вещей, оставленных на берегу, сгрудился патруль во главе с молоденьким лейтенантом.

- Стоять! - скомандовал фальцетом лейтенант.

Дудиков не торопясь развернулся на месте и недружелюбно отозвался:

- Стою! Чего еще?

Лейтенант потребовал предъявить документы. Недавно переведенный из другого округа, Деда он, естественно, не знал. Майор Дудиков, медленно двигаясь к берегу, в довольно сильных выражениях начал объяснять молокососу - именно так он обозвал молодого офицера - что к чему. Лейтенант повернулся к своей команде:

- Эй, боец! Прикомандированный! Ты же с КП? Ну ка, глянь, это ваш?

Бортник, даже не мечтавший, что с Дедом за все его пакости удастся так удачно поквитаться, возмущенно закрутил головой:

- Врет он, товарищ лейтенант, причем нагло! Да вы посмотрите сами,- он ткнул носком сапога в пластиковый наполненный водой пакет, в котором плавал одинокий окунок: - А брешет, что третий час здесь!

Этот аргумент, похоже, разрешил сомнения лейтенанта по поводу подозрительной личности без документов, подрывающей, к тому же, его авторитет. И он, когда Дудиков полез за чем-то в карман, передернул затвор автомата и дал предупредительную очередь. Дед, как только перед его ногами пробежала с противным хлюпаньем цепочка фонтанчиков, моментально замолчал и плюхнулся на живот. И пока лейтенант докладывал на заставу о задержании и организовывал прочесывание близлежащей местности, Дудиков лежал себе тихонько в ледяной воде, стараясь, подобно крокодилу, держать над ее поверхностью хотя бы глаза и ноздри. Помощи ему, судя по всему, ждать было неоткуда...

...так же, как и Гоге, который на подкашивающихся время от времени ногах шел докладывать о пропаже проклятого пакета.

Перед входом в оперзал майор, на ходу оправляясь, слегка замешкался и мимо него проскочил в дверь запыхавшийся начальник связи, старший лейтенант Малярус. Подсознательно Гогиа подивился той прыти, с которой некоторые спешат на свидание с начальником штаба. Лично он в данный момент предпочел бы взойти на эшафот.

Полковник Карымов, казалось, не обратил никакого внимания на Гогу, неспешно инструктируя Маляруса:

- ...и уже из округа сообщили нам. Вот ведь хреновина: на нашем участке нарушитель границы, а я узнаю об этом из Риги. В общем, чтобы через пять минут была прямая связь с заставой,- подытожил начштаба и слегка повернулся в своем крутящемся кресле, давая понять, что аудиенция окончена.

Однако связь с пограничниками не удалось наладить ни через пять минут, ни через пять часов. Малярус, дозвонившись до заставы, успел еще поздороваться и представиться, но сразу после этого наступила гробовая тишина. Старлей дергал, проверяя контакты, провода, стучал трубкой по аппарату и орал на телефонистов - ни одна из этих, столь кардинальных, мер не помогла.

Внесли ясность лишь безуспешные попытки связаться с другими абонентами. Оказалось, что командный пункт по какой-то неясной причине полностью лишился кабельной связи. Именно что неясной, поскольку Бараускас и сам не смог бы объяснить, почему, врывшись в песок на глубину полутора метров и обнаружив там вместо вожака свиты в жгут провода, он принялся с остервенением рубить их в капусту своим ножом-секирой.

Майор Гогиа в оперзале еще долго собирался бы с духом, кабы не начштаба. Чем человек старше, тем он мнительнее. Оглядев Гогу, полковник сразу почувствовал приближение неприятных известий.

У Карымова был нюх на неприятности - и подводил он его редко. Во время, например, последней поездки на учебные стрельбы в прибалхашье, когда, отмечая сто дней до приказа, старший призыв обрил наголо трех молодых солдат, начштаба, приказав Долгоносику разобраться и доложить, ощутил, услышав от замполита бравое "Есть!" какую-то смутную тревогу, но не придал ей значения. О чем пожалел сразу, как только увидел плоды деятельности Долгоносика. Тот, восстанавливая справедливость, приказал так же наголо обриться всем старослужащим.

Три десятка до черноты загорелых солдат с ослепительно белыми скальпами лишали дара речи всех, кто их видел. Бригада стала посмешищем. Ни один инспектор после встречи с личным составом не упускал возможности поизгаляться над внешним видом солдат, поинтересоваться, например, кто разрешил им обрядиться в белые тубетейки. Карымову же оставалось только скрипеть зубами.

Пауза явно затягивалась.

- Ну, майор,- заговорил, неприязненно скривившись, начштаба:

- В чем дело? Если вам приснился дурной сон - лучше не рассказывайте. Я утешать не умею.

Самым весомым аргументом, свидетельствующим о человеколюбии палача, является его отточенный до остроты бритвы топор. Чик - и готово! Но Гоге - и он это понимал - рассчитывать на легкую "смерть" не приходилось.

Гогиа набрал полную грудь воздуха, но не смог членораздельно произнести даже слово "товарищ". Исподлобья наблюдавшего за ним Карымова охватывала все большая тревога.

- Я жду, майор, докладайте. Судя по роже лица, выбора у вас нет. И это именно то, что вам нужно.

Когда-то Гогу всерьез интересовало, о чем думает - и что сказал бы, имей он такую возможность - самец богомола, которого, потеряв последнюю совесть, прямо во время спаривания поедает самка. Собрав волю в кулак и исповедовавшись, майор, всего пять минут послушав Карымова, получил об этом самое полное представление. Начштаба, узнав о пропаже мобилизационного плана бригады, пришел в громогласное бешенство, отличительной чертой которого стало многословие.

Но постепенно полковник выдыхался, речь его теряла образность. С ненавистью глядя на Гогиа, он думал о том, что если найти пакет не удастся, то суровая кара закона и презрение трудящихся постигнет не только этого губошлепа... И спасти его, полковника Карымова, может только чудо, например - военный конфликт, быстрый и победоносный, где-нибудь в окрестностях командного пункта.

Если творчески подойти к предлагаемым словарями толкованиям, то война - это организованная вооруженная борьба, то есть деятельность, направленная на уничтожение, то есть прекращение существования, то есть жизни кого-либо. Так что каждый человек с ружьем, видя приближающееся облако иприта или икрящуюся бомбами армаду бомбардировщиков, имеет все основания именно себя считать главной мишенью. И было бы смешно думать, что кто-то затеет такую мороку ради майора Гогиа, кабы не десятки войн, начинавшихся и по менее значимым причинам.

Но к чести Карымова следует признать, что он не имел никакого

отношения к той свистопляске, которую устроил на стрельбище Колька Ежов. Тот, выйдя первым на огневой рубеж, не удержался от соблазна и выпалил всю обойму от бедра. Ни одна пуля не попала в мишень, а часть из них даже увистала в сторону расстилавшегося за шурфом леса. Что стало причиной десяти часов, которые если и не потрясли мир, то уж точно взбудоражили обитателей нескольких хуторов, расположенных вокруг командного пункта.

11

Вертер, правда, чуть не проспал все самое интересное. Отправив Панюську на отстрел лося, он прикрыл дверь в оружейку, потушил свет и прилег в казарме отдохнуть после бессонной ночи. Но уже через полчаса, терзаемый дурными предчувствиями, проснулся.

А Огородников, терзаемый жаждой и зверским аппетитом, отчаявшись дожидаться Вертера, решил оскоромиться. Он соорудил фантастический бутерброд с салом, своими размерами доказывающий, что у голодного человека глаза много больше желудка и споловинил бутылку вина в обшарпанную жестяную кружку.

Майский день давно перевалил за середину, тени сгущались и становилось как-то зябко. Петр Константинович решил, что тем более необходимо предпринять срочные меры для согрева стынувшего организма. Осторожно, чтобы не расплескать ни капли, поднес он кружку к губам.

Огородников успел сделать первый глоток, когда неподалеку началась разудалая стрельба. Две пули чпокнули в сырую еще землю почти отвесного пригорка, прислонившись к которому сидел Петька. Остальные зловеще прожужжали над его головой.

Среди первых эмоций, накативших на Огородникова, преобладало удивление. Пьянство в армии, конечно, не поощряется, иногда с этим явлением ведется очень даже активная борьба, но чтоб расстреливать за глоток портвейна - это уж слишком!

Затем пришел страх. Содержимое кружки к этому времени почти полностью было на гимнастерке, но бутерброд Петр Константинович держал крепко - не вырвешь! Пихнув его в рот, Огородников встал на четвереньки и очень резко двинулся в сторону бункера. Ни разу за все время службы не казались ему столь желанными казематы родного командного пункта. Это лишний раз подтверждает, что, опустившись на колени, человек мгновенно становится гораздо менее привередлив, нежели он был, пока стоял в полный рост.

Вломившись в заросли можжевельника, Петька на мгновение сбросил темп и попытался отдышаться, чему очень мешал бутерброд во рту. Тут на его голову и спину посыпались ветки и Огородников, сообразил, что по нему опять ведется огонь, хотя и с совсем другой стороны. Дальше он полз по-пластунски, не поднимая головы и огибая один куст за другим.

Проделав этот маневр несколько раз, Огородников невольно остановился, когда едва не врезался лбом в очередное, какое-то уж больно причудливое, растение. Такое он видел впервые. Ближе к корню оно походило на худые и очень волосатые ноги. Как ни торопился беглец, но любознательность все же победила. Он дернул за волоски и начал было с недоумением разглядывать легко оторвавшуюся шерсть. В этот момент прямо над его головой раздалось угрожающее шипение.

"Только гадюк мне и не хватает для полного счастья,"- с горечью

подумал Петр Константинович, резко отпрянув назад и подняв затем глаза. Практически мгновенно он изменил свое мнение о змеях в лучшую сторону. Более того, он без колебаний согласился бы прожить остаток жизни в серпентарии, лишь бы не видеть этого круглоглазого и почти безносого тролля, тянущего к нему свою трехпалую руку.

Шипение постепенно переросло в явственно слышимое "Допилш-ш-ша!" На Огородникова неожиданно волной накатила обида. "Вот вечно Вертера нет, когда он нужен," - подумал Петька, вскакивая на ноги.

Уже без приключений добравшись до дизеля, в расчете которого проходил службу, Огородников спокойно просидел там до конца начавшейся на командном пункте заварухи, надолго потеряв интерес к лесным прогулкам.

Под перекрестным обстрелом оказался не только Огородников. После всех приключившихся с ними в этот день неприятностей составлявшие протокол милиционеры не особенно поразились, когда кто-то открыл по ним огонь. Старшина, определив, откуда ведется стрельба, принял решение спасти самое ценное, то бишь себя, и начал отползать в сторону леса. Водитель, как привязанный, следовал в кильватере энергичнодвигающихся ягодиц своего начальника. Однако первые одиночные выстрелы сменились автоматными очередями с опушки.

В определенных обстоятельствах множество случайных событий перерастает в железную закономерность. Было бы просто смешно и абсолютно недостоверно, если бы Панюска, бродивший по лесу с автоматом, остался в стороне от столь захватывающих событий. Но этого, к счастью, не произошло. Он как раз, затаив дыхание и прищурившись, поймал в прорезь прицела украшенную рогами голову, когда раздалась выстрелы и одна из пуль ткнулась в заднюю, самую мясистую часть лося. Сохатый, не разбирая дороги, ломанул в сторону командного пункта. Панюска воспринял произошедшее очень лично. Переведя предохранитель автомата в соответствующий режим, он тремя очередями выпалил весь свой боезапас в направлении невидимого снайпера. Затем, обходя по большой дуге район боевых действий, отправился сдавать оружие.

"Кой черт я поперся в милицию?" - горестно размышлял тем временем водитель, сначала отползая от теплицы, а затем в еще более быстром темпе возвращаясь под ее укрытие. Как только менты юркнули в теплицу, мимо, выставив рога, пронесся разъяренный лось, с деликатностью танка сметавший все на своем пути.

Офицеры на стрельбище, когда над ними засвистели пули, бросились к земляному валу, огораживающему шурф. Пристально вглядываясь в открывающийся их взглядам пейзаж, они замерли в ожидании продолжения, которое не замедлило последовать.

Когда тишина, особенно зловещая после недавней канонады, слегка затянулась, старшой не выдержал. Повсюду ему мерещились подкрадывающиеся головорезы. Вне себя, он трясущейся рукой вытянул из кобуры табельное оружие и, не отрывая головы от земли, вытянул вверх руку, начав вслепую садить выстрел за выстрелом в сторону предполагаемого противника.

Только этого и ждал Ежов. С криком "Ура! В атаку!", забыв, что перед ним находится шурф, он перескочил земляной вал. Выбыв тем самым из действующих лиц повести.

Удивленные его поступком, но не порывом, офицеры успокоились, услышав доносящийся со дна шурфа мат-перемат. "Жив,"- с некоторым сожалением констатировал старший из них, майор Голубков: "Ежовы бессмертны." И, оставив трех человек вести отвлекающий огонь, повел остальных в обход шурфа.

Милиция к этому времени пребывала в полной депрессии. Легко раненный в плечо старшина тихонько поскуливал, водитель начал заикаться.

- М-м-может с-с-сдадимся? - предложил он. Старшина умолк и задумался. Последние пять минут, будучи под влиянием шока уверен, что их атакуют лесные братья, он пытался вспомнить, как они называются на языке аборигенов. Слово вертелось на кончике языка, но, хоть убей, не выговаривалось.

- В-в-во-первых, п-п-пленных ин-н-ногда н-не уб-б-бивают. В-в-во-вторых...

- Хватит,- перебил водителя старшина: - Уже убедил.

Оставалось решить, на каком языке просить прощенья. Старшине почему-то показалось неприличным делать это на русском. Поэтому, мобилизовав все свои познания в немецком, он заорал:

- Нихт шизен! - и, перепутав местоимения, продолжил:

- Ир капитулирен!

Ежов, отдохавший со сломанной ногой на дне шурфа, возмутился: "Сам ты шиза!" Майор Голубков, чей отряд к этому времени взял в кольцо теплицу, поразился мужеству ее защитников, в безвыходной для себя ситуации предлагавших его людям сдаться и, одновременно, задумался над их национальной принадлежностью.

Впрочем, не потратив много времени на размышления, он тут же выстрелом подал сигнал к атаке. Посланная Голубковым в направлении штурма пуля наделала делов, угодив в бензобак мотоцикла. Взметнулся столб огня, горящий бензин накрыл теплицу. Уткнувшись носом в землю милиционеров оглушило взрывной волной, затем окатило плавающей пленкой, а местами и опалило. К тому времени, когда команда майора Голубкова ворвалась в теплицу, водитель полностью отключился, а старшина, весь в грязи, крови и дымящемся полиэтилене, видел только направленные на него стволы. "Metsavennad..."- простонал он, вспомнил, наконец, нужное слово и теряя сознание.

Тревожающийся из-за долгого отсутствия Панюски, Вертер черным ходом вышел из бункера и прислушался. Со стороны шурфа доносились pistolетные выстрелы. "Интересно, как поживает лось?"- подумал Вертер и тут же получил ответ.

Следуя ему одному ведомым курсом, из кустов, обрамлявших плац, вынесся сохатый и не сбавляя скорость, за несколько секунд пересек открытое пространство. Достигнув спортплощадки, он очень удачно, благодаря опущенной голове, вписался в проем турника, но тут же врезался в радиомачту. Стальная конструкция, вздрогнув, загудела колоколом. Находящаяся на ее вершине антенна слетела с креплений и повисла, раскачиваясь, на одном проводе.

Лось присел на задние ноги и ошарашенно покрутил головой. Затем, прихрамывая, рысцой побежал к лесу.

"Мяса не будет,"- понял Вертер и вернулся в оружейку.

Свежей рыбы, кстати, тоже. Майор Дудиков довольно долго пролежал в студеной воде под прицелом направленного на него автомата и порядком таки замерз. Избавление пришло неожиданно, но совсем не так, как мечталось.

Бортник, прочесав берег и обнаружив в ивняке лодку, вернулся к командовавшему патрулем лейтенанту, но доложить о находке не успел. В первом порыве подставив своего начальника, он от души позлорадствовал, глядя на пускающего пузыри Дудикова, но затем приуныл, представив, как майор потом на нем за это отыграется. Когда выяснится, что именно его подчиненный злонамеренно не опознал, как должен был бы, своего начальника.

Заняв позицию рядом с лейтенантом, Бортник только и успел, что достать из кармана сигареты, когда за их спинами раздался сиплый голос:

- Кого пасете, фраера?

Обернувшись, оба, и лейтенант, и Бортник по приметам сразу узнали в любопытствующем разыскиваемого дезертира. Он был вооружен и выглядел настолько недружелюбно, что остатки патруля без дополнительных просьб задрали руки вверх.

- Да вот, нарушителя задержали...- пробормотал Бортник, что-то такое сообразил и добавил:

- Шпион. И лодка у него тут неподалеку припрятана...

Так и получилось, что пока привязанный к дереву, лишенный свободы Бортник тем не менее торжествовал на берегу, освобожденный Дудиков, замерзший до немоты, выгребал в открытое море, с тоской косясь на клонящееся к горизонту солнце и поднимающийся над водой туман. Слыша из-за спины сипение: "Не меньжуйся, кореш... Все будет хоккей... Ты, янки, гоу хоум - и я с тобой за компанию..."

12

Девственность хороша лишь до тех пор, пока на нее хоть кто-нибудь покушается. Затем она становится обузой. Так же обстоят дела с государственной границей.

Но в описываемое время и рубежи необъятной той страны, и оборонявшие ее войска были под пристальным наблюдением власти. Потому то и нервничал полковник Карымов. Да и кто, собственно, смог бы сохранить присутствие духа в подобных обстоятельствах: сначала бесследно исчезает прапорщик, затем в пограничной зоне объявляется диверсант немного погодя пропадает совсекретный пакет, а командный пункт лишается телефонной связи...

Начштаба не особенно даже удивился, когда в оперзале снова появился старший лейтенант Малярус и принялся невразумительно докладывать, что радиосвязь, мол, тоже... вроде как бы... того. Для паники оснований нет, аппаратура у нас лучшая в мире, фурычит на все сто и все такое прочее, но временно в обмороке, зараза, закатила глазки и отказывается функционировать... Что его расчет уже разворачивает аварийную радиостанцию, несколько бойцов отправлено на проверку кабеля и антенны, но потребуется время...

Полковник отечески благославил начальника связи на ударный труд и Малярус, покачиваясь, покинул зал.

Майор Голубков услышал рык Карымова на дальних подходах к оперзалу и подумал, что не случайно русский язык ставит на одну доску мощный техничный удар и громовой голос, характеризую и один, и другой, как хорошо поставленные. Голубков семенил впереди своих натужно сопящих

подчиненных, которые, кто за что ухватившись, тащили два все еще дымящихся тела.

Минутой позже их увидел Карымов.

- Майор! - заорал он на Голубкова:

- Я ж тебя подробно инструктировал! Что за этими, ... ты штопаный, разгильдяями глаз да глаз нужен! Но если уж постреляли друг друга - трупы то зачем уродовать!? Как мы их, ... твою лысину, родным предъявим?

Голубков принялся успокаивать полковника:

- Да не наши это...- добродушно начал он, но был перебит Карымовым:

- Ясно! - произнес тот с горечью:

- Раз не наши, то, конечно, какие могут быть разговоры? Ставь вместо мишени и пали почему зря. А коптели то их зачем?

Однако вскоре, посвященный во все обстоятельства, начштаба воспрянул духом.

- Так говоришь, лесные братья? Сами сознались? А документы какие-нибудь при них есть? - поинтересовался он.

- Если и были, то сгорели, - ответил кто-то.

С сомнамбулическим видом стоящий в самом темном углу оперзала Гогиа при слове "документы" оживился и подошел поближе.

- А не было у них...- в слабой надежде на чудо заговорил он.

Длинный язык губит людей гораздо чаще, нежели пеньковая веревка. Карымов намеревался продержаться некоторое время в секрете факт исчезновения мобилизационного плана, поэтому Гогу следовало надежно изолировать.

- Молчать! - скомандовал он майору и движением руки подозвал к себе замполита.

- Значит, так. Дело чрезвычайной важности,- начштаба окинул Долгоносика пытливым взглядом, как бы решая, достоин ли тот доверия. Замполит и мимикой, и позой выразил, что, мол, конечно да, какие могут быть разговоры.

- Майор Гогиа мною арестован за должностное преступление,- многозначительно продолжил Карымов.

- Ситуация у нас складывается хреновая, возиться с отправкой на гауптвахту некогда. Ваша задача - пристроить его пока в надежное место. И чтоб никаких контактов с личным составом! Сможете? - закончил полковник. Долгоносик ненадолго задумался.

- Есть на примете одно укромное местечко. Но...- протянул он.

- Никаких "но"! Выполняйте! - скомандовал начштаба.

Борт капитана Симоненко, по прежнему пребывающего в подавленном состоянии, приближался тем временем к командному пункту.

В пучину отчаяния ввергло Симоненко происшествие, в основе которого была одна пикантная конструктивная особенность стратегического бомбардировщика, которым он управлял. Дело в том, что наряду с другими жидкостями, поддерживавшими самолеты этого типа в боеготовности, по его артериям в солидных количествах циркулировал спирт. Даже и не авиатор поймет, какие фантастические возможности дает причастность к процессу технического обслуживания подобных механизмов.

Борьба с расхитителями девяностошестиградусного нектара, конечно, велась, и на разных уровнях, но без особого успеха. Поговаривали даже, что аж до Туполева доходили радетели трезвости, вопрошая, нельзя ли чем-нибудь

заменить спирт, на глазах, мол, спивается летный состав. "Можно",- якобы ответил им главный конструктор после недолгой паузы. "Чем?"- воодушевились те. "Коньяком!"- положил конец недолгому ликованию Туполев.

Характерной особенностью хватательного рефлекса является его способность пробудить предприимчивость даже и в самых безынициативных людях, к которым без особой натяжки можно было отнести и капитана Симоненко. Даже он, получив за два всего часа до взлета доступ к живительному роднику, сумел зачерпнуть из него. Причем на весь экипаж.

Так вот, не вникая в технические подробности деликатного процесса перехода государственной собственности в личную, продолжим рассказ с момента появления Симоненко в военном городке. Сгорбленный под тяжестью смачно булькающей на каждом шагу двадцатилитровой канистры, он почти бежал, поскольку дефицитную посудину, одолженную после долгих уговоров, надо было срочно вернуть ее хозяину, пристроив содержимое в надежном укрытии. Таковым почиталось любое место, недоступное супруге Симоненко, Любочке.

Все тщательно продумав, капитан, стараясь не шуметь, открыл дверь своей коммуналки и на цыпочках, почти не дыша, прошел в ванную. Там он тщательно закупорил сток и опорожнил канистру. Теперь оставалось только разбудить соседа, попросить его разлить спирт в более подходящие емкости - и бегом на аэродром, поскольку времени до взлета оставалось в обрез.

Поднятый среди ночи сосед быстро сообразил что к чему и помощи не отказал. Выговорив себе за хлопоты сколько-нибудь этой манны небесной, он прихватил трехлитровую банку и приятели, не мешкая, покинули его комнату.

Симоненко почувал неладное сразу, как только увидел полосу света, пробивавшуюся из-под двери ванной. И не очень удивился, застав там свою Любашу. Присутствия духа его лишила вовсе даже не жена, а пробка от ванны, которую она держала в руке.

По выражению ее лица было ясно, что к стоку она, пока дышит, никого не подпустит. Поэтому капитан, упав на колени, попытался из собственных рук соорудить запруду и остановить утекающий в черную дыру спирт.

- Отдай затычку, сколопендра! - взвизгнул он до неприличия высоким голосом.

- Лови! - отозвалась супруга и швырнула пробку в неосвященный коридор. Проводив ее взглядом, Симоненко начал лихорадочно зачерпывать ладонями спирт, сливая его в услужливо подставленную соседом банку. Однако спасти удалось самую малость. А сердечный разговор с супругой пришлось отложить до более подходящего времени. Пока же он с высоты двух тысяч метров устало костерил на чем свет стоит все, что попадало в его, Симоненко, поле зрения.

Долгоносик всегда отличался нетривиальным, если не сказать - аномальным мышлением. Плюс исполнительность. Вот вам формула идеального подчиненного.

К поручению Карымова он отнесся очень серьезно. Еще во время постановки задачи замполит вспомнил про БАМ.

Так на командном пункте называли небольшую строительную площадку между тыльной частью бункера и свинарником. В незапамятные годы по причинам, которые уже и не вспомнишь, развернулось там строительство. То ли капониры возводили под новую технику, то ли спортзал затеяли. Откопали

небольшой карьер, навезли кирпича и труб.

Однако вскоре стройка заглохла, площадка заросла метровыми лопухами. Кое-какие стройматериалы удалось использовать с умом: находящийся рядом свинарник, из-за благоухания которого личный состав старательно обходил БАМ стороной, был возведен исключительно из них. Но огромная бетонная труба, замурованная одним концом в стену бункера, так и осталась невостребованной. По обрезу трубы торчали огрызки ржавой арматуры, чем и решил воспользоваться замполит.

Отконвоировав понурого и ни на что не реагиовавшего Гогиа к карьере, Долгоносик предложил ему осмотреть трубу. Сам он тем временем сбегал в расположенную неподалеку мастерскую, откуда притащил сварочный аппарат.

Смеркалось. Искры летели во все стороны, озаряя ползающего на коленях внутри трубы Гогу мистическим светом. Работавший до поступления в училище на стройке помощником сварщика замполит с удовольствием вспоминал молодость, заваривая вход в трубу железными прутьями. Спустя час импровизированная решетка была готова. Увлеченный работой Долгоносик не мог видеть, как дорожка за его спиной, ведущая от свинарника к бункеру, как бы вспухла, посерела и пришла в движение.

Когда настало время вечерней тренировки дивизионов, связи еще не было, но аппаратуру командного пункта включили. Тут же посыпались доклады боевых расчетов о неполадках и сбоях.

Аппаратура связи и управления дивизионами размещалась в основном в так называемых кабинах - автоприцепах, что обеспечивало их мобильность, и в нескольких помещениях на двух этажах бункера. Но вне зависимости от расположения повсюду происходило нечто странное и пугающее.

Стремясь выяснить причины неполадок, добираясь до плат и кабелей, бойцы снимали обшивку и вскрывали шкафы с техникой. И всюду видели одно и то же: сотни огрызающихся крыс сновали по дорогостоящей аппаратуре. Вели они себя гораздо агрессивнее обычного. Когда, например, Малярус обнаружил здоровенного пасюка, самозабвенно выдирающего из платы ртутный выпрямитель, и, возмущенный до глубины души, попытался призвать его к порядку, вокруг мародера тут же образовался шипящий оскалившийся круг, явно охранявший приятеля.

Моментально искусанный Малярус пулей полетел в медпункт, где застал ту же картину. Крысы ползали только что не по потолку, а бледная, как таблетка аспирина, медсестра визжала и прыгала с табуретки на табуретку, хотя лично к ней никто не приставал.

Долгоносик, вернувшись в оперзал, не подал виду, как он удивлен, застав начштаба хлещущим указкой по стенам. Приглядевшись, он понял, что полковник бьет по кольчатым хвостам, иногда вываливавшимся из-под деревянных панелей обшивки. Взяв на заметку столь странное поведение и выслушав новый приказ, замполит на машине Карымова с готовностью отправился в ближайший райком партии выяснять, что же в мире творится такого, о чем не знает лишенный связи командный пункт.

Крысиный беспредел продолжался минут двадцать. Кончилась атака так же внезапно, как и началась. Все это время радиостанция КП выдавала в эфир черт-те знает какой винегрет, иногда вламываясь на чужие частоты.

Всеми забытый младший лейтенант Ежов мог бы рассказать кое-что

интересное в продолжение описанного катаклизма. Сидя на дне шурфа, куда так несчастливо угодил, пережив, в прямом смысле слова, падение с высот ратного воодушевления на серый твердый плитняк, он как раз собрался прикурить последнюю сигарету, когда со стороны командного пункта послышалось тихое шуршание.

На многие звуки мы реагируем подсознательно, генной памятью сразу ощущая опасность, даже такую, представления о которой иметь не можем. Именно это произошло с Ежовым. Впервые в жизни он по настоящему испугался.

Лейтенант сидел, прислонившись к откосу. Перед ним протекал ручей, деливший дно канавы пополам. Клубились клочья жидкого тумана и узкую тропинку на противоположной стороне ручья было видно все хуже и хуже.

Шуршание усиливалось и вдруг из пелены вынырнула первая крыса. Она шла медленно и осторожно, иногда замирала, задирала голову и крутила носом. Следом за ней показалась следующая, затем еще и еще. На вжимающегося в плитняк неподвижно застывшего Ежова они не обратили никакого внимания.

Вслед за первым десятком крысы хлынули потоком. Николай мог бы поклясться, что каждая из них что-то тащила в зубах. Совершенно отчетливо он разглядел термометр, затем не поверил собственным глазам, когда увидел грызуна, тащившего такую же тварь за хвост. Вторая крыса при этом спокойно лежала на спине, обхватив лапами огромную, даже в ночном тумане поблескивавшую радиолампу.

Крысы скапливались неподалеку от Ежова, в месте, где днем он заметил правильной формы огромный валун. Лейтенанту очень хотелось разглядеть его вблизи, но со сломанной ногой сделать ему это было весьма трудно.

Там происходило нечто таинственное, недоступное пониманию. Валун засветился ровным тусклым светом. На его фоне Николай увидел фигуру, очертаниями напоминавшую человека, затем к ней присоединилась вторая такая же. Размытые контуры, невероятность происходящего говорили лейтенанту, что он спит и видит сон. Боль в ноге и промозглый холод убеждали в противоположном.

Ежов напряг зрение. Ему вдруг показалось, что валун ровно вращается, медленно поднимаясь над землей. Исходящий от него свет стал сильнее, стали видны полчища крыс, замерших без движения. Так же, как они, лейтенант провожал взглядом безмолвно выплывавший из шурфа шар, на несколько секунд замерший вровень с его краями, а затем в мгновение ока исчезнувший в безлунном небе.

Капитан Симоненко пережил несколько по настоящему неприятных минут, когда его радист доложил о проблемах с системой наведения на аэродром из-за непонятого происхождения помех в эфире. Бомбардировщик сбился с курса и штурману пришлось попотеть, чтобы выправить положение.

Но сейчас вроде бы было уже все в порядке. Хотя аэродромные службы борт не видели, Симоненко списывал это на те самые помехи и особо не переживал. Он отчетливо видел огни посадочной полосы и родимый, отходящий ко сну, город, отделенный от аэродрома живописной рощей.

Симоненко начал резкое снижение, автоматически выполняя необходимые маневры, когда в его наушниках раздался панический вопль штурмана:

- Командир! На полосе паровоз!

Как выяснилось позже, сбившийся с курса бомбардировщик неверно сориентировался, прилетел не в тот город и пытался сесть на местный железнодорожный вокзал. Последним, что увидел в своей жизни экипаж, было аккуратное трехэтажное здание, уютно расположенное в рощице вблизи вокзала. На которое и сверзилась с небес боевая машина.

К этому времени дом был пуст. Один единственный человек, капитан Долгоносик, стоял, дергая дверь, перед ним. Услышав гул моторов, он повернулся и успел еще элегантно помахать самолету ручкой, когда летательный аппарат стал летальным.

Часовые доложили Карымову о жуткой силы взрыве и зареве в районе близлежащего городка. Полковник, измученный последними событиями, отнесся к известию спокойно. "Надеюсь, что это не связано с замполитом," - подумал он. Затем огляделся по сторонам: "Ну здесь хоть взрываться нечему," - вздохнул он про себя, в который уже раз попав пальцем в небо.

Из подсобки, закутка, где хранились принадлежности для уборки зала, раздался сильный треск и оглушительный визг. Сразу после этого на всем командном пункте пропал свет.

Расчет дизеля сработал отлично, сразу включившись и обеспечив необходимое электропитание всем боевым постам. Причины аварии, в результате которой вышибло пробки на всем КП, долго искать не пришлось.

- Товарищ полковник! Тут что-то странное... - сообщил Карымову дежурный электрик, высовываясь из подсобки. Подойдя к нему, начштаба увидел на полу подсоединенный к сети неясного назначения жестяной круг с чашечкой на нем. На жестянке были отчетливо видны четыре вплавленные в нее отметины, напоминавшие отпечатки крысиных лап. От двух ближних к краю отпечатков тянулся еще один, длинный и узкий.

Карымов пнул устройство ногой и замер, не веря своим глазам. Перед ним лежала бывшая до этого под жестяным кругом коричневая плексиглазовая коробочка. Полковник медленно поднял ее с земли и перевернул. Перед его глазами оказалась огромная гербовая печать на сургуче, инвентарный номер и надпись: "Совершенно секретно. Мобилизационный план. Вскрыть в час "Ч"

- Что здесь, черт побери, происходит? - подумал вслух Карымов. Уже сдавший к этому времени дежурство по роте и находившийся в оперзале Вертер мог бы ему ответить, разъяснив непонятные моменты текущего дня, но предпочел это не делать.

Проявляя здравый смысл, идущий вразрез с идиотизмом жизни, легко оказавшись диссидентом - со всеми вытекающими последствиями. И хотя мыслящий совестливый человек не может не быть в оппозиции к любой власти, большинство предпочитает незаметно-среднюю, серую позицию. Этого цвета маскировочная одежда не избавляет от перхоти, но прекрасно маскирует ее наличие.

13

Это всегда очень грустно - подводить итоги. А иногда это просто отвратительно. Возвращаться к началу, мысленно проходить осиленный некогда путь... Все равно, что хлебать единожды уже выпитое вино. Которое в том мерзком виде, как оно извергается из организма, может заинтересовать разве что паталогоанатома.

Но избирательность, безусловная привилегия памяти, незаметно

фильтрует воспоминания, всякий раз по новому раскладывая свой пасьянс из обстоятельств места и времени, характеров и событий. Когда он сходится, то это лишь вершина айсберга, реально видимая и объективно существующая. Подводная часть подразумевается, хотя чаще всего ее очертания по степени достоверности описания ближе к мифологии, нежели к беспристрастным кадрам кинохроники.

Пережитые в молодые годы унижения и страхи вымываются из памяти ностальгией по нагло лгущему, но такому захватывающему чувству открытости мира и своего всемогущества в нем, присущему молодости. Отвратительное видится смешным в той же степени накала. Мистический туман связывает воедино события, ничего общего между собой не имеющие. Точно так же, как в настоящем, которое мы имеем честь населять, не пересекаются последствия этих событий. Итак...

Прапорщик Бараускас, вконец одичавший, был пойман на исходе лета. Урон, нанесенный им частным лицам и предприятиям, на чьих нивах пытался он снискать хлеб насущный, не поддавался исчислению. Лишь психиатрическая экспертиза спасла Бараускаса от преследований со стороны закона, не замедлив, впрочем, тут же передать его в не менее суровые руки советской медицины.

Шли годы. В психушке бывший прапорщик с головой ушел в творчество, прерываемое лишь лечебными процедурами. Его врач, регулярно проглядывавший последние главы романа, над которым самозабвенно трудился Бараускас, всякий раз продлевал срок пребывания этого явно ненормального пациента в больнице. Насколько неправ был лечащий врач, выяснилось несколько лет спустя, когда Бараускас, покинув обитель печали с диагнозом "вялотекущая шизофрения", вернулся на историческую родину и продал свою рукопись местному телевидению. Поставленный по роману телесериал по сию пору пользуется огромной популярностью.

Бараускас отрастил бородку клинышком, завел очки. Давая интервью, он любит рассуждать о недопустимости какой бы то ни было элитарности в современном искусстве. Утверждает, что в застойные годы подвергался репрессиям за инакомыслие, что, в общем-то, соответствует истине.

Дымящиеся останки райкома партии, на который так удачно рухнул бомбардировщик капитана Симоненко, уже к двум часам ночи силами курсантов двух расположенных неподалеку, поднятых по тревоге, мореходок были вывезены в неизвестном направлении. На освободившейся площадке еще затемно разостлали газон, в художественном беспорядке воткнув там и сям несколько тополей.

Съехавшийся следующим утром на чрезвычайно ответственное совещание районный партактив в полном недоумении бродил меж деревьев, не зная, что и подумать. Удача же, по мнению местных жителей, заключалась в том, что пострадал именно никому не нужный райком, а не молокозавод или, например, поликлиника. Это мнение преобладало, хотя отдельные экстремистски настроенные лица нудили, что толку было бы больше, грохнись самолет в разгар рабочего дня, а не ночью.

Майор Дудиков довольно долго считался погибшим. Проявленные им мужество и хладнокровие, с которыми он дал отпор врагам социализма и на сухопутной границе, и в море, заведя их в туман и утопив, были многократно

воспеты. Две пионерские дружины уже носили его славное имя, когда выяснилось, что Дед процветает на радиостанции "Голос Америки" политическим обозревателем.

Перестройка, ударившая по Советской Армии, не обошла стороной и Дудикова: бюджет его организации здорово сократился и в последние годы он спасается только вязанием на продажу свитеров и кофточек. Если прислушаться, то во время его передач можно услышать постукивание спиц друг о дружку.

А командный пункт пребывает в полном запустении. Распахнутые стальные двери, осыпаясь ржавчиной, уныло поскрипывают на ветру. Асфальт на плацу дыбится бугорками прорастающей травы, лопается и крошится. На его территории нет ни одного не покосившегося строения. Блистательно отсутствующие оконные рамы и дверные проемы, неизвестно куда девшиеся, создают ощущение даже не кладбища, но порядком развороченного морга.

Местные жители обходят территорию командного пункта стороной. Они убеждены, что эту местность облюбовали потусторонние силы, с которыми лучше не связываться.

Только Николай Ежов, ударившийся в дзен-буддизм, несколько раз в год навещает достопамятный шурф, спускается на его дно и забывается в непонятных ритуалах. Однако даже он остерегается подходить к тыльной стороне бункера.

Там, изъязвленная временем, виднеется из лопухов огромная бетонная труба, заваренная по обрезу прутьями арматуры. В самый ясный полдень с огромным трудом можно разглядеть кучку белых причудливо изогнутых палочек в дальнем, самом темном углу. Среди окрестных хуторян ходят упорные слухи, что ночью они собираются в скелет, который встает у решетки. Пустые глазницы черепа буравят темноту, кости рук торчат сквозь решетку наружу, замерев в ожидании неосторожного прохожего.

1997, Нарва